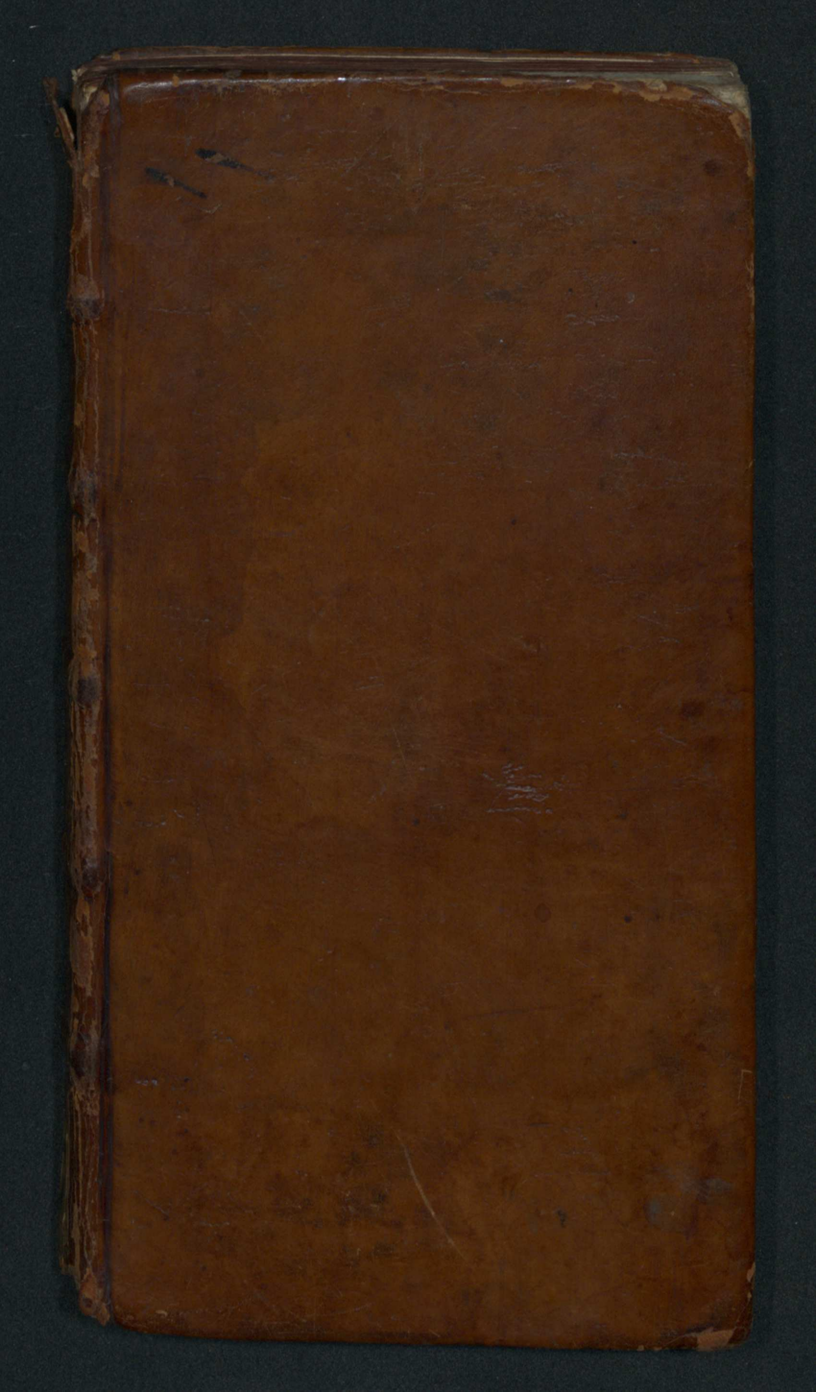
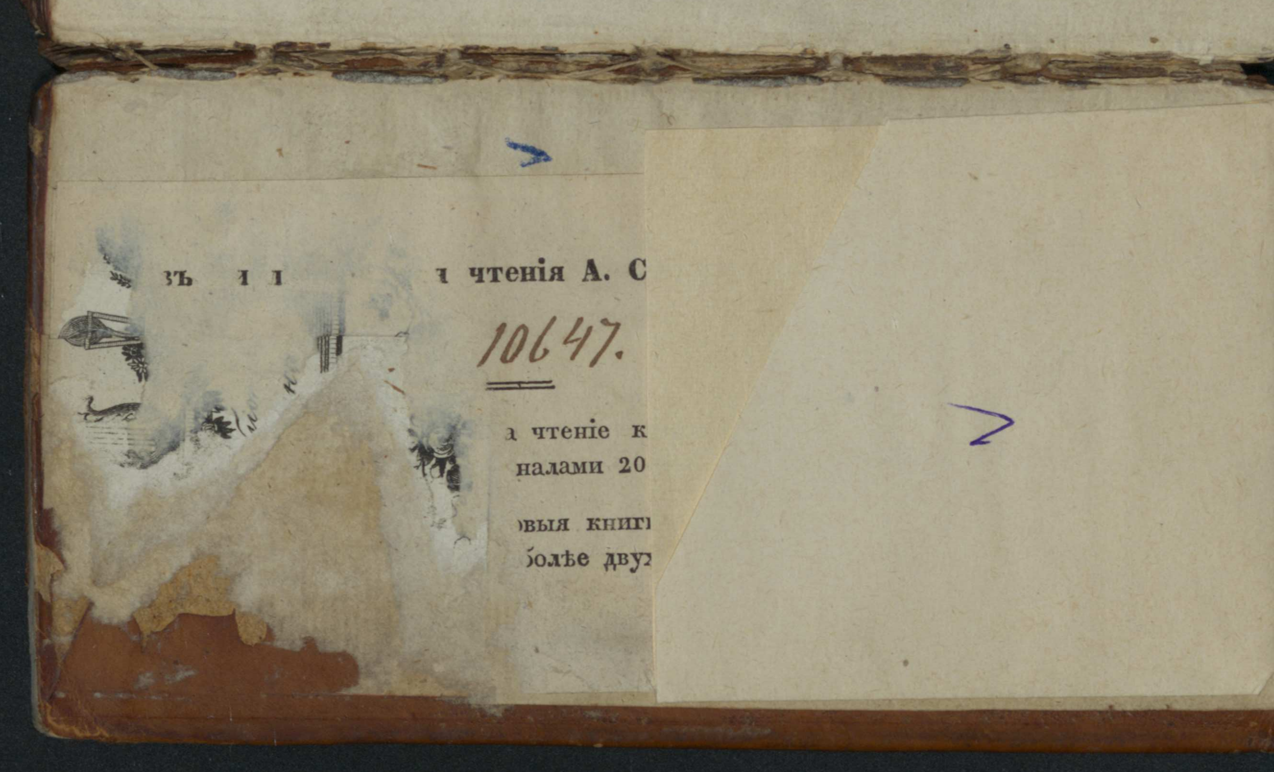

ЛЮБОВЬ КАРИТЫ И ПОЛИДОРА

Переведена съ Французскаго

Печатано въ Санктпетербургѣ
1763.

КАРИТА
И
ПОЛИДОРЪ

КНИГА ПЕРЬВАЯ

Эгей подавалъ Афинянамъ законы. Государство ево процвѣтало болѣе всѣхъ въ Грецїи и подданные забывали свое несчастїе, которое причинила имъ Миносова война.

Пизистратъ оставилъ дворъ, когда совѣты его не были болѣе нужны государю. Сей вѣрной министръ, подпора трона, удер-

жалъ его во время послѣднихъ смятеній: но потомъ удалился, не столько для своего покою, которой заслужилъ онъ, какъ для того; чтобъ оставить то жилище, гдѣ добродѣтели и дарованіи начали уже приводить его въ ненависть.

Полѣвую сторону Пирей на двѣ стадіи отъ Афинъ находится небольшая каменная гора, которая отъ народа посвѣщена уже изъ давна Нептуну. Храмъ ево построенъ былъ простою архитектурою по обычаю Доріенцовъ. Жители Афинскіе собирались туда великимъ множествомъ въ извѣстное время года для благодаренія богу сему за особливыя его къ нимъ милости. Безпрерывная весна царствовала въ сей странѣ благополучной; деревья не лишались никогда листовъ зеленыхъ; шумъ источниковъ, пріятность воздуха, и восхищеніе въ которое

при-

приходитъ человѣкъ вошедъ въ сїи священныя мѣста, доказываютъ ясно божеское благодѣянїе.

Пизистратъ пришелъ искать при подошвѣ горы сей убѣжища, отъ несправедливости людей, и отъ неблагодарности своего вѣка. Многїя обстоятельства приобучили ево сносить терпѣливно непостоянство счастїя. Самой опытъ доказалъ ему сколь малонадѣяться должно награжденїя за услуги, и здравое разсужденїе повторяло ему непрестанно, что тотъ бы былъ несчастливъ, кто имѣетъ врожденную склонность къ добродѣтели, естьлибъ самая добродѣтель не была ему награжденїемъ.

Множество друзей, которыхъ имѣлъ онъ во время счастїя сокрылись отъ него. Пизистратъ скоро увидѣлъ ихъ отдаленныхъ отъ себя. Домашнїя

боги и сынъ ево были одни спутники въ уединенiи.

Полидоръ лишъ только вышелъ тогда изъ младенческихъ лѣтъ. Сострата мать ево лишилась жизни спустя нѣсколько дней послѣ ево рожденiя, и сей залогъ взаимной любьви здѣлался тѣмъ любезнѣе Пизистрату.

Избавясь протчихъ всѣхъ предмѣтовъ, старался онъ только о богослуженiи и о воспитанiи сына своего. Тотъ самой человѣкъ, которой столь долгое время правилъ судьбою государства, могъ найтить себѣ довольное упражненiе въ состоянiи простаго гражданина.

Близъ мѣста его пребыванiя жила молодая вдова, которая называлась Стеропою. Возвратившись ужѣ два мѣсяца въ сiе уединенiе оплакивала она еще Шерефонта мужа своего, погибшаго отъ руки Андрогеевой въ

началѣ

началѣ войны. Карита дочь ея будучи еще пяти лѣтъ принимала участїе въ ея горести. Она утѣшала мать свою и въ обьятїяхъ ея говорила. Не оставляй меня, любезная мать, живи для себя и для отца моево. Любезная дочь, отвѣчала ей Стеропа, да сохранятъ тебя боги навсегда, для возвращенїя на землю Шерефонта, и естьли возможно, для умноженїя столь нѣжныхъ мнѣ воспоминанїй.

Ближнѣе сосѣдство и несчастїе соединили взаимно Пизистрата и Стеропу. Сожеленїе которое раждало злополучїе, и польза произходившая отъ добродѣтели неодни были средствы, которые ихъ соединили. Оба они чувствовали, что несчастныя не имѣютъ другаго убѣжища, какъ у несчастныхъ подобно. Дружество весьма искреннѣе скоро между ними утвердилось. Равное почтенїе было оному осно-

ванїемъ, взаимная же склонность привела его въ совершенство.

Пизистратъ имѣлъ еще тѣ лѣта, въ которыя любовь сердцами обладаетъ; а Стеропа лишъ только въ оныя входила: совсемъ тѣмъ оба они любовь изъ мысли истребили, и лутче согласились бы пресѣчь свиданїе, нежели дать волю надъ собою сей опасной страсти. Но не взирая на сїе предпрїятїе ничто не могло имъ препятствовать въ склонности, которую они къ другъ другу имѣли. Пизистратъ всседневно клялся быть вѣрнымъ тѣни Сострапы, а Стеропа увѣрена была сама собою, что она любить не можетъ никово, когда нѣтъ болѣе на свѣтѣ Шерефонта.

Искреннѣе дружество родителей, сходство возраста и склонности, обхожденїе: словомъ все соединяло Полидора и Кариту. Два ихъ дома одинъ составляли. Пизистратъ любилъ

дочь Стеропы какъ собственную свою, а Карита не болѣе была любима своей матери какъ и молодой Полидоръ. Стеропа равное о нихъ имѣла попеченіе. Она старалась о сохраненіи ихъ въ самое то время, какъ Пизистратъ просвѣщалъ ихъ познаніе, которое возрастало съ лѣтами.

Всякой день училъ ихъ Пизистратъ прославлять боговъ, читая Орфеевы гимны. Онъ изъяснялъ имъ всѣ чудеса естества, и дѣлалъ примѣчаніе о семъ удивительномъ порядкѣ, которой управляется собою въ толикихъ перемѣнахъ. Иногда принималъ онъ самъ участіе въ ихъ препровожденіяхъ, слагалъ новыя пѣсни на лирѣ своей, или заставлялъ ихъ плесать подъ голосъ свирели. Счастливое спокойство! Карита и Полидоръ жили довольны, для того что жили вмѣстѣ, невѣдая еще прит-

чины своего благополучія. Они не имѣли другаго упражненія, какъ только угождать тѣмъ кто ихъ любитъ, и единодушно старались пользоваться ученіемъ Пизистрата. Сперьва хотѣли возбудить ихъ къ тому охоту, приводя обѣихъ другъ противъ друга въ ревность: но предпріятіе сіе скоро было оставлено. Могло ли зделаться между ними несогласіе, когда всякой старался оставлять преимущество другому.

Пизистратъ и Стеропа усматривали съ удовольствіемъ раждающуюся склонность дѣтей своихъ. Лѣта ихъ не позволяли имъ болѣе, какъ только одно имя брата и сестры; скоро потомъ родители ихъ опредѣлили имѣть имъ священнѣйшее имя, и ожидали только минуты назначенной закономъ. Сіи узы, говорилъ Пизистратъ Стеропѣ, утвердятъ навсегда наше

сое-

соединенїе, и когда смерть меня съ тобою разлучитъ, то мой сынъ останется тебѣ. Сынъ мой будетъ сынъ твой. Смерть . . . Что слышу я! перервала рѣчь ево Стеропа. Какъ! Я и тебя должна ужѐ лишиться! мнѣ и твою смерть оплакивать еще! Развѣ дружество будетъ столько же для меня вредно какъ и любовь? Нѣтъ! не думай тово. Есть ли назначены предѣлы злополучїю такъ какъ и счастїю, то не чего мнѣ болѣе страшиться. Уже излита на меня вся свирепость судбины.

Несчастная Стеропа воображала непрестанно печаль свою: всегда обливалася слезами, и только въ нихъ находила утѣшенїе. Ночь заставала ее часто сидящую подъ деревомъ въ семъ упражненїи; и хотя день и наступалъ, однако Стеропа отъ слезъ не преставала.

Воспоминанїе прошедшаго благополучїя услаждало иногда настоящее несчастїе. Стеропа почитала удовольствїемъ описывать

сывать приключенія любви своей къ Шерефонту. Она заходила въ средину рощи, чтобъ прочитывать безъ препятствія сіе дражайшее описаніе: и когда тяжкія воздыханія допускали еще дѣйствовать ее гласу, то повторяла она непрестанно имя несчастнаго супруга.

Въ одинъ день случай и солнечной жаръ завели Кариту и Полидора на берегъ отъ даленнаго ручея, которой былъ близъ того мѣста, куда часто ходила Стеропа. Они еще ево не знали, и нечаянно услышали голосъ своей матери; хотѣли подойтить къ ней; но она отъ нихъ была еще далеко: наконецъ почтеніе и опасность, чтобъ не здѣлать тѣмъ препятствія въ ея упражненіи, отъ того ихъ удержало.

При всякомъ словѣ, которыя Стеропа говорила, слезы показывались въ глазахъ Полидора и

и Кариты. Они другъ на друга съ молчанїемъ взирали. Сила изображенїя, которая Стеропу поражала, вкоренялася въ сердца ихъ: но то что они чувствовали оба, не печальное было воображенїе, которое слѣдуетъ сожелѣнїю, напротивъ того было то прїятное смущенїе, которое обыкновенно производитъ представленїе первыхъ увеселенїй любьви.

Въ самой тотъ часъ Стеропа читала описанїе того, когда любовникъ привелъ ее во храмъ, и когда увидѣла она бога браковъ вѣнчающаго его постоянство. Точное изображенїе удоволствїя, которое чувствовала она въ сїю счастливую минуту; радость ея любовника; тѣ клятвы столь много разъ повторенныя, и которыя повторяла она еще съ восхищенїемъ; воспоминанїе забавъ, коему печаль придавала еще

болѣе прїятности; все ихъ смущало; все удивляло: уже руки Каритины были въ рукахъ Полидоровыхъ. Взоръ и нѣжныя усмѣшки были до сего одни истолкователи ихъ мыслей. Но въ ту минуту не знали они больше себя сами. Полидоръ бросился въ объятїя Кариты, уста ево прилѣплены были къ устамъ ево любовницы. Три раза начиналъ онъ говорить, и три раза слова̀ останавливались у него на языкѣ. Душа ево не обладала болѣе ни чувствами ни властїю.

Удовольствїе, которое они тогда вкушали умножало ихъ вниманїе. Стеропа не видя ихъ продолжала читать свое приключенїе. Конецъ ея повѣсти далъ имъ узнать, что есть еще прїятности, коихъ они не знали до сего. Карита краснѣлась, и неизвѣстной пламень пылалъ въ Полидоровыхъ очахъ:

но сколь велико было ево удивленіе, какъ вдрухъ Карита отвращаться стала отъ ево ласканія; она противилась желанію Полидора, и спрашивала сама себя о причинѣ сей перемѣны.

Ночь приближалась, и Стеропа вышла изъ рощи; ужè надлежало оставить имъ то мѣсто, гдѣ любовь и случай открыли имъ глаза, непросвѣтивши ихъ: должно было возвратиться въ домъ. Полидоръ въ молчаніи пошелъ напередъ; а Карита потупя глаза слѣдовала за нимъ тихо; съ того дня ходила иногда она къ ручею тому, но запрещала слѣдовать за собою Полидору, которой болѣе и не ходилъ за нею.

Между тѣмъ война возгорелась съ нова въ Афинахъ. Тотъ самой Андрогей которой прежде убилъ въ сраженіи супруга Стеропы, осадилъ Афи-

ны не малымЪ войскомЪ, и сей несчастной городЪ принужденЪ былЪ спустя нѣсколько времяни согласиться на безчестной мирЪ, и жесточайшей нежели самая война.

ВЪ семЪ убѣжище отЪ военной непогоды жилЪ ПизистратЪ сЪ домомЪ своимЪ вЪ безопасности, которую утверждала невинность, и которая бываетЪ свойствомЪ невѣденія. Воспитаніе дѣтей своихЪ составляло не менѣе ихЪ счастіе какЪ и упражненіе.

Уже наступало время, вЪ которое ГименЪ долженЪ былЪ ихЪ соединить. День тотЪ назначили быть назавтрее праздника Нептунова. Всякой ожидалЪ его сЪ нетерпѣливостію. ПизистратЪ находилЪ вЪ бракѣ ихЪ помощь и утешѣніе своей старости: Стеропа чувствовала оживляющіяся тѣ не вольныя движенія, кои раждаетЪ

сходство

сходство, и въ коихъ принимаетъ всегда участїе чувствительная душа. Новое веселїе приводило Кариту и Полидора въ восхищенїе. Удивленныя своимъ благополучїемъ говорили они сами будучи въ восторгѣ: возможноль еще болѣе умножиться дружеству, которое насъ соединяетъ? Нѣтъ: чтобъ быть непрерывными, клятвы наши не имѣютъ нужды въ присудствїи боговъ.

Тогда ожидали только минуты брачныхъ обрядовъ: приуготовленїя продолжалися не далѣ; они не имѣли друзей для посѣщенїя. Несчастїе никогда ихъ не сохраняетъ, сверхъ того могли ли они любить предмѣтовъ постороннихъ? возможноль было имъ чувствовать иныхъ склонностей, кромѣ тѣхъ, которыя всѣхъ ихъ между собою обязали? смущенныя

ныя сердца ихъ только одни соединялись, и едва имъ доставали.

Изготовясь иттить въ храмъ, услышали они въ дали рыданіе и вопль. Отчаяніе на поляхъ распространилось. Пронзающій крикъ отзывался въ тихихъ Афинскихъ долинахъ; труба предвѣщающая нѣсчастіе отдавала эхо плачевнымъ своимъ звукомъ; она приносила страхъ въ спокойное уединеніе Пизистрата. Ахъ! Сынъ мой! говорилъ онъ проливая источники слезъ, сколь любезно было видѣть мнѣ тебя съ собою непрестанно. Благополучіе моей старости приводило въ забвеніе горесть моей жизни; но увы мнѣ надлежитъ лишиться и того. Сія несчастная труба доказываетъ довольно, что требуетъ тебя твое отечество. Поди, можетъ быть со временемъ забудешъ оно твои услуги. Измѣряй

мѣряй не справедливость ево своимъ благодѣяніемъ. Оставь то: Первая твоя должность есть служить ему, а другая забывать что ты ему служилъ.

Полидоръ въ изумленіи стоялъ неподвижимъ; глаза ево устремлены были на отца своего и на свою любовницу. Устрашенная Карита старалася еще сумнѣваться отомъ что слышитъ. Стеропа въ слезахъ называла Шерофонта, и воспоминала минуту въ которую оставилъ онъ ее, чтобъ итти на смерть. Тотчасъ воины достигли ихъ жилища, которыхъ множество юношей и дѣвицъ препровождали. Блѣдность покрыла лице ихъ; страхъ казался въ глазахъ. Сіи жестокіе воины принуждаютъ ихъ за собою слѣдовать, и угрожаютъ имъ жесточайшимъ несчастіемъ. Начальникъ сего варварскаго войска прервалъ наконецъ молчаніе. Кто бы ты ни былъ, говорилъ

онъ

онъ Пизистрату, отдай намъ тотчасъ двухъ юношей которые теперь съ тобою. Развѣ не знаешъ ты мирной договоръ, которой подалъ вамъ Миносъ; развѣ не извѣстно тебѣ что Андрогей погибъ обманомъ, и что тень ево требуетъ отмщенiя? для удовольствiя ее обязываетъ васъ договоръ отдавать Минотору всякой годъ семь юношей и семь дѣвицъ Афинскихъ, которыхъ жребiи выбрать долженъ. Андрогей! вскричала Стеропа, ахъ варваръ! онъ лишаетъ меня два раза тово, что мнѣ любезно, для тово чтобъ быть злодѣемъ и убицею! лутче лишите меня жизни, проклятые слуги ево отмщенiя, или боитесь супруги, боитесь матери ... По сихъ словахъ, которыя произвели отчаянiе, устремилась она бѣжать въ средину воиновъ; но они удержали ее: Карита бросилась

вилась вЪ обьятія своей матери: Стеропа лишилась памяти, а дочь ее лежала подлѢ нее лишенная чувствЪ.

Между тѢмЪ начальникЪ сего безчеловѢчнаго войска повлекЪ безЪ жалости Кариту за собою, и предалЪ ее воинамЪ, которые ево препровождали. Какое время для несчастнаго Полидора! онЪ самЪ окруженной варварами смотрѢлЪ вЪ дали сіе позорище; едва могЪ онЪ обращать на небо глаза свои омоченные слезами, для призыванія на помощь правосудія боговЪ. Ужѐ не вЪ состояніи онЪ былЪ возводить на небо свой руки обремѢненныя оковами.

Печаль, движеніе и жестокая жалость спустниковЪ возвратили скоро КаритѢ употребленіе чувствЪ. УзрѢвЪ свѢтЪ искали глаза ее Полидора; она увидѢла ево такЪ какЪ себя вЪ рукахЪ воиновЪ, которые влекли

жали ево. Страдало ее сердце; она ево звала; рыдала жалостно, и въ другой разъ упала въ обморокъ. Пизистратъ стоялъ подлѣ Стеропы. Онъ старался сохранить ее жизнь, какъ бы не была она ей жесточайшимъ мученïемъ.

Близъ каменной горы, которую море волнами обливаетъ, начальникъ созвалъ своихъ воиновъ, и собралъ несчастную жертву, которую они похитили. Тогда принесено было всесожженïе. Критскому Юпитеру и другимъ богамъ защитникамъ сего острова; въ самое то время поставлена была несчастная Урна, по которой узнали волю судбины: удвоился крикъ; умножилось отчаянïе и неутѣшимость. Но ужѐ жребïи былъ сказанъ; онъ осуждаетъ тебя, любезной Мелантисъ, одну надежду знатнѣйшей фамилïи; онъ не щадитъ молодую Анаксамену

мену, предмѣта лутчаго Венеры Книдской. Приступилъ Полидоръ; Карита призывала Амуръ, и Амуръ спасъ Полидора: Карита болѣе не страшилась ничего. Одинъ взоръ привлекъ ужѐ въ сердце любобника ея всѣ чувства, которыя она ощущала. Она приближилась сама.... О судьба! оставь въ другой разъ строгость свою! но напрасно я призываю ее; она скучила правосудіемъ своимъ; ужѐ любезная Карита назначена была къ ужасному жертвоприношенію.

Полидоръ огорченной стоялъ блѣднея и безгласенъ; Смертной мразъ входилъ во всѣ ево члены; движеніе послѣдуетъ сей недѣйствующей печали: прерывающейся голосъ, безпорядокъ словъ, плачъ, рыданіе и всѣ знаки ярости изъявляли вдругъ чрезвычайность ево несчастія и отчаянія.

Наконецъ

Наконецъ не могъ онъ снести столь тяжкаго бремени, и сонъ смерти видѣнъ былъ въ глазахъ его: но скоро потомъ онъ опамятовался: несчастная минута! развердзися земля! Онъ одинъ лежалъ на берегу, смотрѣлъ, и не видѣлъ ничего кромѣ пространства моря и глубокихъ пучинъ. Между тѣмъ протчіе плѣнники и ихъ похитители сокрылись, Карита удалилась: самъ онъ не чувствовалъ тягости оковъ. Онъ всталъ съ мѣста того, обращалъ вотще взоръ свой, и не находилъ болѣе какъ неизмѣримую пустыню; онъ узналъ каменную гору свидѣтеля своихъ несчастіи; хотѣлъ лишиться жизни, спешилъ броситься въ волны; но можетъ быть Карита не оставила еще Афинскія брега; можетъ быть судьба дозволитъ съ нею ему увидѣться... Сія мисль отъ того его удержала; и

и онъ остался живъ до сей минуты.

Наполненъ будучи любовiю и нетерпѣливостiю Полидоръ перебѣжалъ тогда весь берегъ. Ничто не удерживало его бѣгу: острейшiя каменья ни мало его тогда не устрашили, онъ попиралъ ихъ; печаль давала ему новыя силы: то въ глубокомъ молчанiи смущенныя глаза доказывали состоянiе души ево; то крикъ плачевной изображалъ тоску, которая тогда терзала его сердце.

Между тѣмъ жестокiе похитители любезной Каритыеще берегу не оставили, и ветеръ удерживалъ Критскiя корабли на меляхъ Пиреи, какъ Полидоръ туда пришолъ. Онъ усмотрѣлъ въ дали веющейся флагъ ихъ машпъ, и въ первой разъ сердце ево начало чувствовать надежду.

Приближаясь болѣе узналъ онъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои избавились какъ и онъ строгости жребія, и которые дѣлили съ нимъ печаль лишены будучи тово что было имъ любезно.

Полидоръ стараясь напрасно найтить судно, которое бы проводило ево въ корабль Кариты принялъ намѣреніе столько же тщетное, привести плачемъ въ жалость хищниковъ своей любовницы. Будучи несклонны къ сожеленію, и жесточае еще тово чудовища, коего были слуги, радовались они печали сего несчастнаго. Полидоръ лежащей на берегу, ожидалъ конца своей судбины; онъ оставилъ жизнь только для тово чтобъ непрестанно видѣть корабль, въ которомъ Карита пребывала; и когда жестокая судба исполнится, когда корабль отойдетъ отъ пристани, то будетъ онъ го-

тов въ волнахъ морскихъ погибнуть.

Морская тишина продолжалася болѣе нежели тогда думали. Критяне не хотя издержать все свои припасы на мели, посылали судно въ деревни для приготовленія оныхъ вновь. Молодой Критянинъ, которой былъ при томъ начальникомъ, увидѣлъ Полидора лежащего на пескѣ и вдавшагося въ жесточайшее отчаяніе. При семъ несчастномъ позорищѣ сожеленіе овладѣло ево душою; онъ спрашивалъ о причинѣ ево слезъ: но какъ Полидоръ увѣдомилъ ево о своихъ несчастіяхъ, то Критянинъ потупя глаза отвѣтствовалъ что не въ ево волѣ возвратить ему Кариту.

Сіе судно возвращалось въ день тотъ много разъ въ деревню, и начальникъ тронутъ будучи судбою сего несчастнаго, не пропускалъ никогда подхо-

дить къ нему: увы! говорилъ ему Полидоръ, да будетъ къ тебѣ милостива Минерва защитница Афинъ, но какъ ты менѣе варваръ, нежели тѣ тигры которыя тебя послали, то согласись здѣлать мнѣ утѣшенїе, котораго только надеятся могу; здѣлай чтобъ дозволено было мнѣ ее увидѣть, увидѣть на минуту, и я умру менѣе несчастливъ. Стратонъ желалъ весьма оказать сїю услугу Полидору; но опасность прогнѣвить своихъ начальниковъ ему въ томъ препятствовала. Полидоръ, которой всталъ обнять колена Стратоновы, повергъ себя съ нова на землю, и эхо отзывало вопль ево по всему брегу. Стратонъ свидѣтель ево отчаянїя старался напрасно успокоить ево обѣщая ему свою помощь.

Между тѣмъ морская тишина продолжалася, и спокойные корабли

рабли на своихъ якоряхъ, не могли сойтить съ мели. Критяне приносили безполезно жертву Юпитеру; сей богъ, которой прославлялъ ихъ особливымъ своимъ покровительствомъ, не внималъ уже ихъ прошенїи. Нептунъ былъ защитникъ Афинъ; раздраженъ будучи что страна, которую онъ сохраняетъ плотитъ столь жестокую дань Критянамъ, остановилъ онъ ихъ у пристани, и удерживалъ въ отдалени отъ страны своей.

Критяне приняли намѣренїе сойтить въ другой разъ на берегъ, чтобъ принести торжественную жертву морскому богу. Стратонъ увѣдомилъ о семъ Полидора, и что онъ долженъ оставаться у кораблей, во время отсутствїя своихъ начальниковъ. Несчастной любовникъ, говорилъ онъ ему, употребимъ въ пользу сїю благополучную минуту: ты увидишъ Кариту. Какъ! я

увижу ее! вскричалъ Полидоръ, и такъ исполнится послѣднее мое желаніе! Великіе Боги! продолжалъ онъ, вы знаете, что живу я по сію минуту только въ надеждѣ ее увидѣть. Великодушной непріятель! ты мнѣ надежду возвращаешъ; ты окончишъ мои несчастія, естьли судьба не назначила быть имъ вѣчными.

Стратонъ, перервалъ сіи благодарныя выраженія, чтобъ искать безопасное средство преодолѣть стражу Критскихъ воиновъ. Полидоръ былъ молодъ, и для красоты своей могъ почесться свободно дѣвицею. Бѣлизна и нѣжныя черты лица ево вложили Стратону сіи мысли. Молодой любовникъ принялъ ихъ съ радостью, онъ бросался тысячу разъ на колѣна предъ Стратономъ, называя его отцомъ и избавителемъ.

На

На завтрѣ при восхожденіи солнца Полидоръ пришелъ на берегъ. Онъ ожидалъ съ нетерпѣливостію начала жертвоприношенія, предускорялъ ево своимъ желаніемъ; онъ говорилъ самъ съ восхищеніемъ, что идетъ видѣть Кариту; что всякую минуту онъ ближе къ ней подходитъ, и что наконецъ настанетъ минута, въ которую будетъ онъ лежать у ее ногъ: онъ воображалъ что съ нею говоритъ, ее слушаетъ, имѣетъ ее въ своихъ объятіяхъ: наполненъ будучи лестнымъ воображеніемъ и представляя себѣ будущее свое благополучіе, не думалъ онъ болѣе о слѣдствіи своея судбины.

Наконецъ настало время жертвоприношенія. Стратонъ оставленъ былъ какъ то онъ еще предвидѣлъ, для охраненія кораблей, но онъ скоро покинулъ сію должность, чтобъ исполнить обѣщаніе, которое здѣ-

 лалъ

халЪ Полидору. Молодой любовникЪ, увидѣлЪ вЪ дали судно, и сердце ево едва могло сокрыть свою радость; СтратонЪ кЪ нему пришелЪ; онЪ взялЪ ево за руку; ступай, говорилЪ онЪ ему, несчастной чужестранецЪ; пользуйся однею благосклонностью, которую подаетЪ тебѣ противная судба; но поклянись что прежде конца жертвоприношенія, возвратишься вЪ молчаніи на тоже судно, которому должно отвести тебя на берегЪ. ПолидорЪ не слушалЪ ничево и обещалЪ все.

Семь молодыхЪ дѣвицЪ заключены были всѣ вЪ одну темницу, а семь юношей переведены были на другой корабль. ПолидорЪ, пользуясь перемѣною своего платья, прошелЪ мимо КритскихЪ воиновЪ не будучи узнанЪ, и достигЪ, провождаемЪ СтратономЪ, того мѣста, гдѣ заключена была ево любовница.

Отворя-

Отворились двери, и видно было все то, что отчаяніе и страхъ ужаснаго имѣетъ; роспустя власы, устремляя повсюду очи, преклонивъ главу, наконецъ такъ какъ видны были Менады, когда оживлялъ ихъ Бахусъ, ожидали младыя пленницы со страхомъ своей кончины. Карита была посреди ихъ, повержена на землю, и воздвизающая на небо невинныя руки. Приступилъ Полидоръ; темнота не дозволила въ другъ ему узнать ее, онъ кричалъ Карита, и Карита удивленная сомнѣвалася о своемъ благополучіи, повторялъ имя Кариты; но Карита напрасно собирала силы отвѣтствовать; языкъ ее искалъ словъ, но не могъ найти. Наконецъ онъ ее узналъ: подошелъ къ ней съ стремлѣніемъ, обнялъ ее; уже забыли они оба несчастіе; увидѣли другъ друга, довольно того, воздыханіи ихъ, крикъ и

молчанїе, радость и печаль изъявляли склонность взаимную ихъ смущенныхъ душъ.

Орфей усладилъ иногда наказанїе ада своими пѣснями, но въ то время взоръ сихъ любовниковъ остановилъ на нѣсколько минутъ, слезы протчихъ плѣнницъ; они почувствовали въ первой разъ нѣкоторое облехченїе своему несчастїю: но Стратонъ, которой тогда отлучился, пришелъ къ нимъ скоро. Оканчевалося жертвоприношенїе, и наступало время возвратиться Полидору; тщетно искалъ онъ продолжить сїи драгоцѣнныя минуты. онъ оставлялъ свою любовницу, какъ вдругъ пришли увѣдомить Стратона, что поздно ужѐ плыть судну; начальники Критскїя взошли на корабли, ветеръ началъ уже дуть. Матрозы распустили парусы, и торжествуютѣ радостнымъ крикомъ, благополучной успехъ жертво-

твоприношенїя и желанїя своего; Стратонъ, обнявъ Полидора, заключилъ ево снова въ темницу, и вв҄ѣрилъ судбин҄ѣ сл҄ѣдствїе сего приключенїя.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ

)o(

КАРИТА
И
ПОЛИДОРЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

Лишъ только минула ночная темнота; уже солнце освѣщало землю, и жертва отмщенія Миносова видѣла раждающейся день, и свои несчастіи; когда повелитель кораблей велѣлъ собрать протчихъ началниковъ, и вошелъ съ ними въ темницу. При взорѣ ево, сіи несчастныя плѣнницы думали, что наступаетъ минута которая рѣшитъ судбину ихъ; въ отчаяніи и трепетѣ, бѣгали они по всѣмъ сторонамъ съ плачевнымъ

чевнымЪ крикомЪ, какЪ бы сей безполезной бѣгЪ могЪ ихЪ избавить отЪ судбины ихЪ. Карита неподвижна едва стоять могла отЪ слабости, ПолидорЪ не былЪ уже предЪ нею на коленахЪ; страхЪ чтобЪ не быть узнану, препятствовалЪ ему взирать на свою любовницу.

Критяне усмотрѣли сЪ удивленіемЪ, что превзошло опредѣленное число по мирному договору, и ФилоклесЪ одинЪ изЪ начальниковЪ кораблей, напрасно старался узнать сію тайну: какЪ вдругЪ АмурЪ или другіе Боги, которые можетЪ быть Кариту охраняли, привели нечаянно начальника Критскаго вЪ жалость. Сей варварЪ, которой причинилЪ отчаяніе во всѣхЪ АфинянахЪ и которой похитилЪ Кариту отЪ объятія умирающей ее матери, здѣлавшись вЪ перьвой разЪ жалостнымЪ, принялЪ на-

мѣренїе и збавить одну изъ сихъ несчастныхъ отъ строгости ея судбины. Слуги жестокаго закона, говорилъ онъ своимъ товарищамъ, выходя изъ того мѣста, развѣ наша должность умножать жестокость? нѣтъ, безъ сумнѣнїя; одна изъ сихъ чужестранокъ не назначена имѣть участїя въ страданїи другихъ, лутче престанемъ отъ погрѣшенїя столь сuроваго; жребїи которой ихъ осудилъ назоветъ изъ нихъ счастливѣйшую; я буду старатся призвать ево на помощь. По сихъ словахъ взошелъ онъ на корабль, гдѣ хранили семь юношей, которыхъ обремѣнили оковами, и скоро потомъ возвратился онъ въ свои каюты.

Море раздѣляющее Криты съ Афинами есть то, котораго прославило отчаянїе Эгѣево, и которое съ того времени имѣетъ имя сего государя; оно содер-

содержитъ въ себѣ безконечное число острововъ, на которыхъ множество примѣчанія достойныхъ вещей доказываютъ прежнюю знатность. Туда печальныя Латона, гонимая всею природою, пришла искать убѣжища отъ гнева Юноны. Делосъ одинъ изъ Цикладскихъ острововъ была одна часть земли, которая приняла ее въ свое лоно; и гисторія прибавляетъ, что островъ сей прежде сего неизвѣстной и плавающей, былъ тогда соединенъ рукою самово Юпитера съ островами Гѣарою и Миконою. Видно плавая по морю сему островъ Сциросъ, прославленной уединеніемъ Ахиллеса, а ближе къ берегамъ Критскимъ, видѣнъ малой островъ Серифа въ которомъ всѣ жители превращены въ каменныя горы при взорѣ Медузиной главы.

Циклады

Циклады находятся въ столь великомъ множествѣ, что гребцы, которые плывутъ къ сему берегу, многихъ лехко усматриваютъ, съ тѣхъ поръ какъ солнце выходитъ изъ горъ Фениціанскихъ, до тѣхъ, какъ погружается оно въ Епирское море. Начальникъ повѣлелъ опустить якорь у перваго изъ сихъ острововъ, и послать тотчасъ судно для отправленія на берегъ молодой плѣнницы, которую онъ избавилъ; потомъ удалился отъ прочихъ начальниковъ отдавъ сіе повелѣніе и отослалъ немедлѣнно любезную Кариту объявя что жребіи ее ибралъ

Размышляя непрестанно о своемъ любовникѣ, и пораженная несчастіемъ, не слушала Карита словъ сихъ, которые перемѣнили ее судбину; отдавшаяся на всегда тоскѣ своей, ничто уже не могло разрушить оныя; подходили къ ней; но Карита не видала

ла: говорили ей; но она уже не слышала; можетъ быть не знала бы она и того, что перемѣнила сїе мѣсто, естьлибъ не должно было ей лишиться Полидора.

Тогда была еще минута, въ которую солнце оставляло Горизонтъ для отдохновенїя на лонѣ Тетисы; тихой ветръ очищалъ воздухъ, и безпокойство сокрылося уже со свѣтомъ; тогда сказали бы что натура преставала отъ смятенїя и шуму дневнаго. Но покой сей не былъ для Кариты; въ ту самую минуту должна она была взойтить на шлюпку. Коликими слезами и воздыханїями отъѣздъ сей не былъ примѣчателенъ! Надлежало оставлять ей корабль, которой здѣлался столь любезенъ; она слѣдовала за нимъ глазами столько, какъ дозволяло разстоянїе: но ветръ и тень похитили ево скоро отъ ея взору: оставшаяся одна посреди воиновъ, которые ее препровождали, спрашивала она

ихъ тщетно о своей судбинѣ; всѣ стояли подлѣ неѣ въ глубокомъ молчанїи. Какъ скоро достигли берега, то отвели на землю молодую плѣнницу; и два воина, которые за нею слѣдовали оставя ее на пескѣ, возвратились.

Въ какомъ состоянїи была она, увидя одну себя оставленную на не извѣстномъ берегу! судно отъ неѣ удалялось; ужѐ не слышно было болѣе, какъ въ дали шумъ веселъ, которые раздѣляли волны. Карита оставлена была отъ всей природы; свистъ сѣвернаго ветра, ревъ волненїя, а болѣе еще ночная темнота умножали страхъ ея состоянїя. Она поручала себя богамъ: о Юпитеръ! Нептунъ! Минерва! боги защитники, которые знаютъ невинность моего желанїя, почто вы его оставили? почто осудили вы меня въ сїе варварское

ское заключенїе? презирала ли я вамъ служенїе? предпринимала ль я когда виновныя намѣренїя? увы! законамъ вашимъ вѣрная, слѣдовала я повелѣнїю моей матери: готова была совершить бракъ любезной моему сердцу: какою жестокостїю прервала судба сїи узы! несчастной супругъ похищенъ отъ моихъ объятїи; и естьли я могу ево увидѣть, естьли могу я еще ево обнять, сколь многими слезами хочу платить я за благополучїе сїе! Ахъ! Полидоръ! Полидоръ! какая будетъ твоя судбина! но почто не имѣю я судбину туже? для чево не имѣю я участїя въ твоихъ бѣдствїяхъ? боги призываемыя мною, сжальтесь на мое несчастїе! естьли вы меня наказываете, какое преступленїе я здѣлала? естьли хотите испытать мое терпѣнїе, почто разите моего любовника? по сихъ словахъ повторяла она

тысечу

тысячу разъ имя Полидора. Вы слышите сїе изъ глубины пещеръ о Нимфы и Сатиры! полубоги живущїе на семъ несчастномъ брегѣ; и вы морскїе боги, сокрытыя въ пещерахъ мокрыхъ, вы проливали слезы, о судбѣ сихъ любовниковъ.

Карита препроводила въ слезахъ остатокъ ночи: смущенїе, удалило сонъ отъ глазъ ее. Съ восходомъ Авроры, сошла она съ камня, которой господствуетъ тамъ въ пучинѣ и долинахъ; она подходила печально, чтобъ найти уединенїе въ ближнѣй рощи, какъ пустухи которые пасли стадà свои на морскомъ берегу, вышли нечаенно изъ подтенистыхъ деревъ. Карита устрашенная узрѣвъ ихъ приняла бѣгство, и думая избавиться тѣмъ отъ глазъ ихъ, сокрылася она между камней, которыми покрытъ былъ берегъ; но пастухи свидѣтели ее

ее страха и бѣгства, пошли за нею слѣдомъ, и не много имѣли труда найтить ее. Потомъ узная по платью, что она чужестранка, и не любопытствуя вѣдать причины, которая принудила ее укрыться въ сей пустынной сторонѣ, повели они ее за собою, и заключили въ ужасной пещерѣ.

Страна сія, въ которую ветръ и случай привели Кариту, была островъ Накса, которой прославился нѣсколько времени потомъ несчастіемъ Аріаны и любовію Бахуса. Энаръ бывшей тамъ тогда король, не возжигалъ еще никогда свѣщи брачной; но какъ былъ онъ обязанъ избрать наслѣдника престола, то принялъ намѣреніе сочетать Цидиппу сестру свою съ молодымъ Агеноромъ, которой остался одинъ отъ знатнѣйшей фамиліи, происходившей отъ древнихъ Накскихъ

королей

королей. Агенорѣ почитаемѣ былѣ ужѐ законнымѣ наслѣдникомѣ короны, и онѣ пользовался честїю и властїю сего титула. Время ево брака еще опредѣлено не было; молодой князь искалѣ всякой день новыхѣ причинѣ отлагать ево: сїе не для тово, чтобѣ надежда править государствомѣ не дѣлала бракѣ сей полезнымѣ, но вѣ то время несходство лѣтѣ ево сѣ Цидиппою, приводило вѣ опасность бракѣ сей, которой льстилѣ только одному ево честолюбїю.

Цидиппа лехко усматривала холодность Агенорову, и естьлибѣ она и оказывала о томѣ нѣкоторое неудовольствїе кролю своему брату, тобѣ онѣ не здѣлалѣ ей принужденїя кѣ браку сему; но она сама любила молодова князя, и любовь заставила ее притворяться,

что не видитъ сево презрѣнія, которое она имѣла отъ нево.

Сіе было тогдашнее состояніе двора, когда молодая Карита пришла въ страну сію, гдѣ скоро нарушено было съ нею право гостопріимства. Наконецъ какъ получила она позволеніе изъясниться, то увѣдомила она варваровъ, которые на нее оковы налагали, что она Афинянка, и что Критскія корабли похитившіе ее изъ отечества, оставили наконецъ ее на семъ брегѣ.

Искренность въ ея повѣсти и пріятность въ словахъ, увѣрили въ томъ тѣхъ, которые ее слушали. Они возвратили ей вольность, и обѣщали нѣкоторое вспоможеніе, съ тѣмъ чтобъ имѣла она участіе въ ихъ работѣ и попеченіяхъ. На завтрѣе ввѣрили они ей пасти часть своево стада. Надлежало ей приготовить себя къ новому состоянію. Дочь Стеропы, имѣя въ рукѣ

пастушей

пастушей посохъ, заходила всякой день въ глубину рощи, чтобъ дать волю слезамъ своимъ.

Однимъ днемъ обезпокоенная смущенїемъ и печалїю, сѣла она при корнѣ дерева, и сонъ овладѣлъ смешенными ее чувствами. Князь Накской Агеронъ заѣхавъ нечаенно съ охоты, прибылъ къ сему уединенїю. Онъ увидѣлъ Кариту: сраженной ее взоромъ, какъ бы присутствїемъ божества, почелъ бы онъ ее Дїаною безъ поспушьева посоха, которой она въ рукѣ своей держала. Онъ остановился увидя ее; смотрѣлъ; удивлялся соединеннымъ прелѣстямъ, сонъ ее и дневной жаръ помогли ево взору: устремленные глаза ево воспылали; восхищенная душа напоилась прельщающимъ ядомъ. ослѣпленной, побѣжденной желанїемъ, подошелъ онъ къ ней, не помнилъ больше самъ себя. несчастная Карита! - - - - но

она

она пробудилась и подняла великой крикъ; напрасно Агеноръ лежалъ у ея ногъ; Карита, скоряе летящей стрелы сокрылась отъ него: Новая Аталанта! она оставила князя накскаго въ смущенїи и изумленїи.

Агеноръ вышелъ изъ сего состоянїя только для тово, чтобъ чувствовать болѣе рану, которою она ево поразила. Тайная сила привлекала ево много разъ въ сїе мѣсто; но напрасно искалъ онъ тамъ Кариты; она болѣе не ходила ужѐ въ лѣсъ тотъ. Удаленїе и отсутствїе удвоили къ ней любовь молодого князя; раздраженной препятствїями, которыя нашелъ въ новой своей страсти, предприялъ онъ все употребить для удовольствїя оныя.

Карита, казалось нашла ужѐ спокойство въ семъ уединенїи, которымъ она могла пользоваться: она приобрѣла повѣренность

ность къ себѣ дикихъ жителей страны сей, пастухи, которые сперьва съ ней, какъ съ виновною невольницею, сурово поступили оказывали уже ей почтеніе, какъ божеству особливому. Она вдалася съ ними тяжкой работѣ; и казалось что принимала безъ труда въ ней участіе: Но судьба позавидовала ее покою, которой она столь дорого купила; воспоминаніе своего приключенія препятствовало ей всегда возвращаться въ лѣсъ тотъ; она не отходила болѣе отъ берегу, и обращала печально взоръ свой на волны которые разлучили ее съ своимъ любовникомъ, и которые были послѣдніе свидѣтели ея нѣжности.

Всякой день препровождала она въ безпокойной задумчивости; а какъ скоро вечеръ предвещалъ землѣдельцамъ конецъ въ ихъ работѣ, то щитала она своихъ

своихъ овецъ и провождала ихъ съ поля.

Карита исполняла такимъ образомъ должность, которую ей назначила судбина; какъ увидѣла въ дали бѣжащую молодую невольницу, которая казалось призывала на помощь ея сожаленіе. Карита была чувствительна; несчастные обыкновенно бываютъ таковы. Она сама бѣжала ей навстречу. Невольница просила ее стоя на колѣнахъ, сказать мѣсто, гдѣбъ могла она остаться безопасна отъ гнѣву господъ ее, отъ которыхъ она бѣжитъ, и которые гонятся за нею. Карита побужденная жалостью утѣшала ее; она обѣщала хранить ее у себя въ домѣ ночь ту, а назавтре просить ей у пастуховъ помощи.

Лишъ только окончила она слова сіи, какъ увидѣла себя окруженную воинами, которые на нее наложили оковы: она спра-

шивала о своемъ преступленіи; но ей не отвѣчали; они повлекли ее съ жестокостію за собою, и перешедъ нѣсколько стадіи, заключили ее наконецъ въ малую темницу: о судьба! вскричала она, не престаешъ ли ты меня еще строгостью разить! такимъ ли образомъ награждается добродѣтель и кротость! цѣлыя три дни вдалася Карита жестокости своихъ размышленіи и цѣлые три дни ослабѣвало безъ пищи ее тѣло; глаза ее закрывались временемъ, когда окропленныя слезами смотрѣть не въ состояніи были.

Посреди сего бѣдствія, услаждалъ иногда жестокость сію образъ Полидора. Она имѣла еще то покрывало, которое новобрачныя носятъ во время торжества Гимну, и которое любовникъ далъ ей въ тотъ самой день, когда начались ихъ несчастія. Карита снимая съ себя

сїе любезное украшенїе писала на немъ мѣломъ имя Полидора; она стирала потомъ ево, чтобъ написать свое; а иногда оба вмѣсте она соединяла.

Въ четвертой день варвары, которые извлекли ее отъ спокойнаго уединенїя, пришли вывести изъ сея темницы: потомъ приведена она была предъ судей. Клеонидъ, повѣренной Агенора, подалъ противъ ее свой голосъ, и объявилъ себя на нее доносителемъ, онъ уличалъ ее что скрывала она бѣжавтую ево невольницу, и наконецъ просилъ чтобъ Карита осталась въ оковахъ.

Смѣшенное роптанїе зделалось скоро въ собранїи; всякой похвалялъ прошенїе Клеонидово: но судьи подкупленные дарами, и продавши ее молодому князю которой защищалъ ее, осудили любезную Кариту, непринимая оправданїя; объявили

ее невольницею, и уже новой господинъ принудилъ ее за собою слѣдовать.

Клеонидъ дѣлалъ все сїе по повелѣнїю Агенорову. Сей молодой князь плѣненной болѣе красотою Кариты, употребилъ сїе варварское средство, чтобъ вывести ее изъ уединенїя, которое съ великимъ трудомъ онъ узналъ.

Слухъ пронесся скоро, что принцъ Накской влюбился въ невольницу своево любимца. Сїе дошло до самой Принцессы, и возжгло гнѣвъ ее противъ несчастнаго предмѣта сей страсти. Скоро призвала она къ себѣ Клеонида, и требовала у нево чужестранку, чтобъ опредѣлить ее въ число своихъ рабынь Клеонидъ напрасно искалъ препятствовать тому. Цидиппа угрожала ему своимъ гнѣвомъ, естьли въ ту минуту

не пришлетъ онъ къ ней Кариты.

Надлежало ей повиноваться. Карита была только два дни въ домѣ Клеонидовомъ, и между симъ временемъ не переставало на нее гоненїе Агенора: Надежда къ вольности была менѣе всѣхъ благополучїи, которыя сей князь оказывалъ въ глазахъ своихъ, чтобъ обязать Кариту къ себѣ въ любовь; но Карита соединненная съ Полидоромъ вѣчными узами, неимѣла нужды въ воспоминанїи столь нѣжномъ, чтобъ презирать желанїе князя Накскаго; она узнала лехко, что былъ онъ притчиною безчеловѣчнаго злодѣйства, которому она принесена была на жертву,

Цидиппа краснѣлась увидя новую свою невольницу, красота Кариты возобновила ее ревность: она поклялась въ глубинѣ своего сердца хранить къ ней не-

примиримую ненависть, и упражнялась только въ жестокихъ стараніяхъ о ея мученіи. Все то, что любовь во гнѣвѣ строжайшаго вымыслить можетъ скоро употреблено было. Презрѣніе, укоризна, тяжкая работа, варварская строгость: ничего изъ сихъ упущено не было: Цидиппа не могла вообразить себѣ мученія довольнаго, чтобъ наказать свою соперницу.

Карита посреди стыда и презрѣнія предпочитала еще сіе ужасное состояніе тому, чтобъ быть Клеонидовой невольницей: имя принцессы приводило ее покрайней мѣрѣ въ безопасность отъ намѣренія Агенора, котораго она имѣла столь много притчины страшиться; и которому не въ состояніи была противиться за глазами Цидиппы.

Домъ

Домъ сей принцессы не былъ еще для нее безопаснымъ убѣжищемъ. Агеноръ нашелъ средство входить туда тайнымъ образомъ: и свершилась бы погибель Карисы, естьлибъ могъ онъ притти къ концу своего желанія: но Цидиппа то узнала, и здѣлала безполезными осторожности, которые тогда принелъ Агеноръ.

На завтре чтобъ лишить всей надежды князя послала она Кариту на самой дальней конецъ острова: въ самое то время приставила она стражей, чтобъ защищать отъ нападенія, и чтобъ принуждать ее между тѣмъ къ тяжкимъ работамъ.

Карита препроводила болѣе двухъ мѣсяцовъ въ семъ уединеніи; оковы не слагали съ нее какъ для земляной работы; и когда позволяли ей взять нѣсколько покою; то съ нова на

нее оковы налагали. Естли жаръ дневной или чрезвычайность безсилїя заставляли ее престать отъ столь тяжкой работы, то принуждали къ тому строгостью, не смотря на слабость силъ ее, до тѣхъ поръ какъ начинала она опять свою работу, Сїе было также, когда Нимфа Io гонимая Юноною, и порученная старанїямъ ужаснаго Аргуса претерпѣвала непрестанно жесточайшїя мученїя.

Агеноръ узналъ наконецъ уединенїе Кариты, и скоро потомъ отъ страсти или можетъ быть отъ сожелѣнїя, предпринялъ онъ ее оттуда вывести. Получа помощь стaранїями Клеонида, собралъ онъ въ короткое время довольное число друзей и невольниковъ, и пошелъ самъ съ нимъ въ то мѣсто, гдѣ несчастная Карита слѣдовала теченїю своей судбины.

Тогда

Тогда была ночь; Карита пребывала съ стражею въ отдаленномъ домѣ. Ворота разломали: Агеноръ приближался: стражи приняли оружїе, и противились ево приходу. Молодой князь удвоилъ свои силы; сраженїе возобновилось и здѣлалось ужасно. Посреди смятенїя, пользуясь темнотою, Карита отрешила оковы и спаслася бѣгомъ: когда съ другой стороны сражалися. Устрашенная трепѣщущая, бѣжала она не смѣя взирать назадъ, и довольна была призывая на помощь тѣхъ боговъ которыхъ она столько разъ призывала безполезно.

Аврора отворила уже небѣсныя врата, какъ несчастная Карита побѣжала въ лѣсъ, которой изъ дали въ темнотѣ увидѣла. Тамъ думала она укрыться; ходя нѣсколько времени по кустамъ и терновникамъ узнала она сїе несчастное мѣс-

 то,

то, въ которомъ князь Накской увидѣлъ ее въ первой разъ: она удерживала до сихъ поръ свои слезы, но предмѣтъ сей принудилъ пролишь ихъ источники. Несчастная, говорила она сама себѣ, гдѣ могу я имѣть убѣжище? итить ли мнѣ искать ево у пастуховъ, которымъ я служила, и которые меня, обманули? явитьсяль мнѣ къ Цидиппѣ, которая меня ненавидитъ, или къ князю Накскому, коего любовь мнѣ еще тысечу разъ ужаснѣе. Нѣтъ! . . . . увы! подъ коею несчастною звездою получила я рожденїе! когда лишившися любовника, судьба принуждаетъ меня проливать слезы, которые болѣе уже не для него! по сихъ словахъ подошла она къ берегу: чрезвычайность ея несчастїя лишила ее памяти: она хотѣла броситься въ волны: но слабость силъ недопустили упасть ей

въ

вѣ воду. Она повергла себя на землю отягченная смущенїемѣ и печалїю; натура обезсиленная отказалась отѣ сей послѣдней жестокости, которая должна была окончить вѣ другѣ ее несчастїе и жизнь.

Она препроводила остатокѣ дня вѣ семѣ состояни; мысли отяхчающїе приходили непрестанно кѣ ней на разумѣ; она не засыпала; но между тѣмѣ было сѣ нею такѣ, какѣ бы множество ужасныхѣ сновѣ смущали ее одинѣ предѣ другимѣ болѣе: то воображала она несчастнаго Полидора отданнаго чудовищу Критскому, поверженнаго на пескѣ и готоваго окончить дни свои; то представляла окровавленные члены ево пожираемые Миноторомѣ; то имѣла она предѣ глазами князя Накскаго отягченнаго несчастнымѣ состоянїемѣ, вѣ которомѣ она была сама. Она тре-

нѣтала: мысли сіи приводили ее въ задумчивость, котора отягощала. Она хотѣла встать. Несчастная!.. Увидѣла себя въ рукахъ человѣка, которой обнималъ ее съ нежностію. Ахъ варваръ! вскричала она; но о! Небо! сколь велико было удивленіе! она почувствовала вдругъ окропленную себя слезами сего незнакомого, то былъ Полидоръ . . . Она осталася безгласна; лишилась памяти, и Полидоръ смущенной обвинялъ боговъ, которые возвратили ему любовницу, только для того чтобъ опять ее похитить.

Онъ обнималъ свою несчастную супругу, и оживлялъ ее своими воздыханіями. Амуръ извелъ Кариту отъ вратъ смертныхъ; она отворила глаза свои, увидѣла день, котораго едва не лишилась, и лыбовника, котораго была уже лишенна.

шенна. Она хотѣла знать повѣсть ево приключенія, и Полидоръ только онyю началъ, какъ перервала она ее, чтобъ расказать ему свою, Полидоръ слушалъ ее съ удивленіемъ. Всякое обстоятельство возбуждало въ немъ любопытство. Во всякомъ приключеніи принималъ онъ участіе. Повѣсть Полидорова была проста. Онъ присталъ къ берегу Критскому нѣсколько времени спустя по разлученіи съ Каритою: сорокъ дней препроводили тамъ для очищенія жертвы: а послѣ сего времени должны они были преданы быть ярости чудовища. Тезей сынъ царя Афинскаго, которой нашелъ себя обязаннымъ вступится за несчастіе другихъ, убилъ Минотавра, и вышелъ изъ лабиринта посредствомъ нитки которую дала ему Аріана. Она была дочь Миносова; неосмѣлясь подвергнуть себя гнѣву

отца своего, котораго обманула, приняла она бегство съ Тезеемъ; но сей неблагодарной князь присталъ къ Наксѣ въ намерени оставить наконецъ великодушную свою любовницу.

Полидоръ послѣдовалъ Тезеевой судбинѣ; онъ прибылъ съ нимъ въ страну сїю, и перьвой предмѣтъ которой поразилъ ево риставъ къ берегу, была несчастная супруга, которую сперьва почелъ онъ лишенною чувствъ.

Конецъ ихъ повѣстей прерванъ былъ слезами двухъ любовниковъ: судьба которая гнала соединила ихъ опять по толикихъ несчастїяхъ, казалось что боги утишили строгость надъ ними, только для тово, чтобъ чувствовали они еще живѣе благополучїе любви и свиданїя. Имѣя другъ друга съ горячностью въ обьятїяхъ своихъ остались бы они всегда въ

семъ

семъ прїятномъ состоянїи, естлибъ Полидоръ видя слабость Каритину не склонилъ ее искать въ ближней деревнѣ убѣжища, которое было имъ необходимо.

Карита съ великимъ трудомъ на то согласилась, увѣрена будучи, что пастухи ее обманули, сказала она о сей опасности Полидору; какъ увидѣли они два корабля которые плыли къ берегу. Употребимъ въ пользу случай сей, говорила Карита, пойдемъ къ кораблямъ симъ, можетъ быть идутъ они въ наше отечество. Пойдемъ возвратить родителямъ спокойство, котораго лишены они нашимъ отсутствїемъ, они оплакиваютъ смерть нашу, я оплакивала твою: разсуждаю о ихъ горести отъ насъ зависитъ ее окончить. Станемъ не одни пользоваться спокойствомъ, которое судьба намъ возвратила.

Они

Они подходили ближе говоря сїе; ужѐ корабли стали на якоряхъ, и матрозы сходили на берегъ; нѣсколько воиновъ за нимъ слѣдовали. Полидоръ подошелъ къ ихъ начальнику. Мы Афиняне, говорилъ онъ, и наши корабли погибли на семъ мѣстѣ. Удостой взять насъ на корабль свой, и возвратить насъ нашему отечеству.

Начальникъ отвѣтствовалъ ему съ притворною усмѣшкою, что желанїе ево исполнено будетъ скоро, и чтобъ теперь на корабль они всходили. Два корабля сїи наполнены были морскими фенецїанскими разбойниками, которые разъѣжжаютъ вдоль по сей сторонѣ для плѣненїя невольниковъ. Полидоръ увидѣлъ уже поздо свою неосторожность; не было уже время ее исправить. Онъ принужденъ былъ иттить на одинъ изъ кораблей сихъ: напросно

просилъ

просилъ онъ, чтобъ не разлучали ево съ супругою. Несчастная Карита отъ нево была уведена. Ее принудили итти на другой корабль. Тотчасъ подняты были якори, и корабли пользуяся способнымъ вѣтромъ удалились чрезъ нѣсколько времени отъ Накскаго брега.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ

)o(

КАРИТА
И
ПОЛИДОРЪ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Оба корабля плыли нѣсколько часовъ благополучно, какъ вдругъ все естество востало противъ ихъ Взволновалося море, и разверстыя волны открыли глубину бездны.

О венусъ! вскричала Карита, повели волнамъ симъ, которые видѣли твое рожденїе, сохранить жизнь нѣжнейжаго любовника! Купидонъ! властитель во вселенной, приди: спасай совершеннѣйшаго изъ твоихъ тварей,

рей. Голосъ ея прерванъ былъ воплемъ матрозовъ. Гремитъ громъ: поднимаются вихри; блѣднѣетъ корабельщикъ, и устрашенной кормщикъ не находитъ болѣе помощи въ своемъ искусствѣ: настаетъ ночь: умножается страхъ, и образъ смерти представляется у всѣхъ въ очахъ.

Буря продолжалась до самаго дня; и какъ скоро часы запрягли колесницу Солнцову; Эолъ собиралъ изъ глубины безднъ возмутившїяся вихри, и заключилъ ихъ скоро сильною рукою; хотя скрыты они были въ мрачностяхъ темницъ; но еще слышенъ былъ шумъ отъ нихъ вдали, которой происходилъ отъ ярости за укрощенной гнѣвъ. Какъ скоро мракъ уступилъ свѣту, Полидоръ искалъ глазами корабля Кариты: нотщетно простиралъ онъ взоръ свой на поверхность волнъ. Ветры лишили

шили еще ево любовницы. Между тѣмъ разбойники, которые увезли сего несчастнаго; желая продать своихъ невольниковъ приняли намѣренїе плыть въ Сестосъ, во время праздниковъ Адониису которой тогда тамъ торжествовали. собранїе чужестранцовъ, коихъ привлѣкало туда торжество сїе было причиною, что почитали они сїе время полезнымъ для своего намѣренїя

Городъ Сестосъ находится въ Херзонесѣ, близъ залива тогоже имени. Море которое обливаетъ городскїе стѣны называется Гелеспонтъ, поимѣни Геллы сестры Фрикса, которая утонула въ семъ заливѣ перебѣжжая ево насдавномъ овнѣ, коего руно было золотое.

По древнему и священному въ сихъ мѣстахъ обычаю, уставлено было ежегодно праздновать

вать Адонису и Венерѣ. Тогда, какъ сказываютъ, влюбленной Леандръ увидѣлъ въ первой разъ молодую Геро во время отправленія сей службы.

Сїи праздники славны были во всѣхъ сосѣдственныхъ странахъ. Туда собирались множество изъ Грецїи и Азіи. Жители Абидоскїе, Колофискїе, Ефескїе и тѣ которые живутъ среди кедровъ Ливанскихъ приходятъ великимъ числомъ въ Сестосъ жертвовать Венусу: жители Лемноскїе и Темпейскїе, словомъ всѣ тѣ которые живутъ между моремъ и горою Цитерономъ сходятся въ храмъ сей праздновать богинѣ и оплакивать съ нею смерть несчастнаго любовника.

Въ тоже время бываетъ у нихъ праздникъ купидову и употребляютъ цѣлой день на сїе отмѣнное торжество: въ самое то время разбойники достигли берега. Полидоръ выведенъ

денъ былъ съ протчими невольниками на публичное мѣсто. При взорѣ ево прервалося торжество; всѣ приходятъ въ робость; стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ; бросаютъ цвѣты къ ево ногамъ. Народъ думалъ видѣть въ немъ предъ собою самово Купидона, которой почувствовавъ ихъ къ себѣ усердіе, пришелъ принять участіе въ ихъ забавахъ: но Полидоръ потупя глаза приносилъ самъ моленія свои Венерину сыну. Сей праздникъ, гдѣ царствовало веселіе исполнялъ сердце ево горчайшимъ воспоминаніемъ.

Между тѣмъ хоръ началъ уже показываться скоро. Младые юноши и дѣвицы одетые въ бѣлое платье приступали тихо и воспѣвали попеременно священные Гимны.

Прими наши моленіи, говорили они тогда единогласно,

силь-

сильны боже правящей вселѣнною. Ты подалъ огнь небесной Прометѣю. Ты учредилъ стихїй, привѣлъ Хаосъ въ порядокъ. Душа всѣя природы! Приди владычествовать надъ нами, оставь жилищѣ Цитеры и преселись въ сїи мѣста.

Сокройся отъ насъ, говорили младые юноши, то противное божество, котораго желаньи упреждаютъ, и закоторымъ слѣдуетъ раскаянїе: Благополучїе никогда ево не провождаетъ. Ревность, досада и отчаянїе вышли съ нимъ изъ ящика Пандоры. О вы! которые слушаютъ сїе, страшитѣсь слѣдовать ему: оно опасная мѣчта, и утѣхи съ нимъ соединѣнныя весма отдалѣны отъ истинныхъ весели.

Но есть другое божество, отвѣтствовали младые дѣвицы. Купидонъ милосердой, которой пребывалъ на землѣ во времѣна Цибѣлы, и коего молѣнии

 смерт-

смертныхЪ несколько разЪ сЪ небесЪ призывали: невинность и добродѢтель воспитали ево вЪ своемЪ храмѢ для благополучія людей, онЪ начальникЪ блага, и изливаетЪ ево на верныхЪ своихЪ почитатѢлей. ОнЪ вселяетЪ надежду посреди нещастія, и оживляетЪ терпѢніе вЪ жесточайшихЪ бѢдствіяхЪ. ПознавайтѢ власть ево слушатѢли, и вертѢ что онЪ достоенЪ нашего служенія.

Любезная Карита! вскричялЪ вдругЪ ПолидорЪ, сердцѢ мое признаетЪ сего Бога надЪ собою властитѢлемЪ, и для тебя теперь ево я призываю, сіи слова привлѢкли на нево вЪ новь взираніе народа: всѢ смотрѢли на нево сЪ удивлѢніемЪ смѢшеннымЪ сЪ жалостію, какЪ вдругЪ одинЪ старикЪ прошедЪ сЪ стремлѢніемЪ сквозь множество норода, приступилЪ кЪ Полидору обнимая

ево.

ево. Увы! говорилъ онъ, вотъ сынъ, котораго Парки отъ мѣня похитили, и коего мнѣ судбина посылаетъ сжаляся на мое нещастiе . . . Но что я говорю? какая то мечта! прости мнѣ сiе народъ Сестоски! я увидѣлъ ево, думалъ узрѣть въ невольникѣ семъ моево сына; лицо ево обмануло меня. Сходство сiе есть игралище случая, которое раздражаетъ болѣе жесточайшую горесть.

Проговоря сiи слова Навзикратъ, обнялъ Полидора; и сей нещастной сжалялся на нево забывалъ бедствiя свои, взирая на тѣ, которыя причинило ево присутствiе. Въ сiю минуту начальникъ разбойниковъ хотѣлъ розлучить ихъ одинъ отъ другаго; но взоръ Полидора былъ весма любезенъ Навзикрату. Сей великодушной старикъ заплатилъ за нево выкупъ, и повѣлъ ево съ собою.

Между тѣмъ народъ, котораго слѣдствіе сего приключенія привело въ жалость хвалилъ Навзи крата, и поручалъ ему въ благосклонность ево невольника. Какъ скоро пришли они къ берегу, то старикъ посадилъ на свою лодку Полидора.

Городъ Абидосъ, гдѣ имѣлъ жилищѣ Навзикратъ, былъ тотъ въ которомъ родился молодой Леандръ. Онъ построенъ противъ Сестоса, по другую сторону Геллеспонта. Во время плаванія Навзикратъ смотрѣлъ на Полидора, и предвидѣлъ съ печалію удивленіе несчастной своей супруги при взорѣ сего невольника.

Она была тогда на берегу и ожидала своего супруга съ нетерпѣливостію. Ужѐ обвиняла она ево мѣдлѣнность, когда приплыла къ берегу ихъ лодка. Навзикратъ сошелъ, и добродѣтельная Фемисто пошла къ

нему на встречу; но какъ скоро увидѣла она Полидора, то чрезвычайность ея удивлѣнія, привѣла въ опасность жизнь ея: какой предмѣтъ! вскричала она, что вижу я! опомнися любезная Фемисто, говорилъ ей Навзикратъ; судьба лишила насъ сына, и небо посылаетъ тебѣ утешеніе въ нещастіи. Нетъ, говорила она ослабевшимъ голосомъ, это несынъ мой; сево утра окропляла я млѣкомъ прахъ ево. Не онъ то; ужѐ тѣнь ево перешла Стиксъ. и неслышитъ болѣе моево стѣнанія.

Какъ скоро Фемисто могла слушать повѣсть сего приключенія, то Полидоръ сталъ ей столько же любезенъ, какъ и Навзикрату; они не могли престать оба взирать и обнимать ево; иногда почитали они ево божествомъ, которое пришло утѣшить ихъ въ нещасти. Полидоръ удивлѣнной симъ по-

зорищемъ принималъ участїе въ ихъ склонности; онъ отиралъ ихъ слезы, и съ ними проливалъ ихъ самъ, почитая себѣ то облѣгченїемъ, что посреди своего нещастїя, имѣетъ онъ благополучїе дѣлать щасшливыми другихъ.

Между тѣмъ должно было имъ иттить въ жилищѣ ихъ, которое находилось близъ городскихъ воротъ. Полидоръ вошедъ въ шелашъ ихъ, почувствовалъ въ себѣ нѣкоторое особливое почтенїе. Порядокъ и простота, которыя у нихъ царствовали, вообразили въ глазахъ Полидоровыхъ тѣхъ двухъ стариковъ, о которыхъ сказываютъ, что приняли они нѣкогда Боговъ въ бѣдное жилищѣ свое.

Все богатство сихъ супруговъ состояло въ несколькихъ поляхъ земли, которую они пахали сами, и въ нѣкоторомъ числѣ овецъ, изъ коихъ часть

еже-

ежегодно продавали они въ Сестосѣ во врѣмя праздниковъ. на другой день ево приходу весь домъ вручили они Полидору, не такъ какъ невольнику-отъ котораго требовали работы-но какъ любезнѣйшему сыну, коего хотѣли они награждать милостїю.

Прилѣжность и непрерывное вниманїе Полидора, умножали ихъ доходы. Онъ провождалъ день вѣсь въ работѣ; утро на полѣ; вставалъ до восхождѣнїя Авроры, а къ вѣчеру пригонялъ онъ домой стадо. Потомъ приносилъ млѣко обѣимъ старикамъ, и взоръ ево вселялъ въ нихъ радость происходящую отъ горячей ихъ къ нѣму любви, и которой лишало ихъ ево отсутствїе.

Полидоръ нашелъ въ Абидосѣ жизнь наполнѣнную не винности, къ коей привычка, и ево воспитанїе подали ему узнать вѣ ея прїятности. Онъ любилъ

 всѣхъ

своихъ хозяевъ, почти столько, какъ былъ самъ отъ нихъ любимъ; онъ былъ притчиною ихъ благополучія, и они бы ево зделали щастливымъ, когдабъ Полидоръ разлученной съ Каритою въ состояніи былъ вкушать веселіе.

Близь города того находился купидоновъ храмъ, славной во всей грецій. Онъ созданъ на верху горы, куда сказываютъ Богъ сей сокрылся не когда, убегая вероломныхъ сердецъ, которыя осквернили его храмъ. Полидоръ, по окончаніи своей работы ходилъ туда всякой вечеръ, и призывалъ въ помощь сего Бога, котораго испытывалъ онъ одни строгости.

Навзикратъ имелъ въ жилищѣ своемъ садъ, столько же простой какъ и домъ. Тамъ посажена была миртовая роща, посреди которой стояла статуя Гимна; Навзикратъ ходилъ туда часто

сто, и благодарилъ сего Бога за благодѣянiи, которые отъ него имѣлъ. Онъ учредилъ одинъ день въ году воздавать ему особливыя благодаренiи: день сей былъ тотъ, въ которой совершился бракъ сихъ супруговъ: они созывали друзей своихъ торжествовать то воспоминанiе; венчали себя цвѣтами, и приносили въ жертву вино, а иногда закалали притомъ телицу или козленка.

Въ день сего праздника, когда обряды онаго были окончены, и пришедшiе всѣ возвратились, Полидоръ остался одинъ у статуи: настигла ночь и обладалъ имъ сонъ. Но лишь только онъ затворилъ свои глаза, какъ страшная мечта возмутила духъ ево. Онъ мнилъ видѣть статую уже одушевлѣнну, и Бога Гимна имѣющего въ рукѣ своей свещу, которой показывалъ ему Кари-

ту въ рукахъ соперника. Полидоръ восшрепешалъ отъ сего видѣнія; въ жестокомъ гнѣвѣ оставилъ ево сонъ: прежестосшайшїи рокъ; вскричалъ онъ, ты и во снѣ меня шерзаешъ. Покой, которой естество дозволяетъ послѣднимъ изъ животныхъ, болѣе имѣть мнѣ не возможно. Нѣтъ! любезная Карита! я знаю твое сердце, естьли ты жива, ты мнѣ верна конечно . . . . Но что! продолжалъ онъ спустя одну минуту. сей сонъ не божественоели мнѣ предвѣщанїе. Ахъ! Карита! Карита! ты измѣняешъ мнѣ! другой плѣнилъ уже твое сердце! где найду я сего дерзскаго? иду наказать ево за смѣлость: оставлю мѣста сїи: пойду . . . . Но ахъ! Навзикратъ фемистоклъ могули я оставить васъ! несчастный! когда Амуръ и Гименъ шебя призываетъ, то для чево уде-

ржеваешъ

рживаетъ честность и благодарность!

Между тѣмъ тайная сила заставила еще ево уступить ену: и мѣчта терзавшея духъ ево вообразила ему въ другой разъ предмѣтъ прежесточайшѣй. Довольно того; вскричалъ онъ, я не долженъ болшѣ о томъ сомнѣваться. Карита не вѣрна: гименъ самъ открылъ мнѣ сїю ужасную тайну. Пойду, я пойду укорять её неверность въ рукахъ ея любовника. Ни что мѣня не удержитъ. Любовь тово требуетъ; любовь беретъ и преимущество. О Боги! вы зритѣ мое мученїе! отдайтѣ справедливость моей невинности, и подавайтѣ свои благодѣянї добродѣтельному Навзикрашу и несчастной Фемистѣ.

Какъ скоро насталъ день, то Полидоръ пошелъ по берегу искать карабля, которой бы плылъ въ Грецїю. Онъ скоро

нашелъ ево. Городъ Абидосъ ежегодно посылаетъ знатные дары Богу Епидорскому, и корабль, которой долженъ былъ вѣсти ихъ, былъ ужѐ въ готовности къ плаванію. Полидоръ употребилъ сей случай возвратиться въ Грецію; онъ лстилъ себѣ найтить Кариту съ Стеропою ее матерью: Но естьли будетъ онъ обманутъ въ надѣждѣ своей, то увидѣвъ Пизистрата, намѣренъ билъ сесть на корабль, и искать Кариту по всѣмъ Цикладскимъ островамъ.

Онъ поѣхалъ въ семъ намѣреніи, и оставилъ берегъ не безъ сожалѣнія. Воспоминаніе Навзикрата и ево супруги непрестанно ево смущало. Онъ просилъ обѣ нихъ Боговъ желая имъ лутчѣй судбины.

Приближеніе къ Греціи, перемѣнило состояніе ево души: какъ скоро корабль достигъ берега,

рега, то Полидоръ неожидая дня, въ которой надлѣжитъ отдать дары во храмъ, сошелъ съ корабля одинъ, чтобъ сыскать случай скорѣе переѣхать Пелопонезу, а потомъ прибыть въ Коринфъ.

На полмилю отъ Епидоры остановилъ ево старикъ, которой гналъ стадо. Молодой чужестранецъ, говорилъ онъ ему, естьли ты хочешъ иттить въ городъ, то совѣтую тебѣ дождаться дня; должно перейти лѣсъ, которой хотя и не великъ, но путь въ немъ затрудителенъ и теменъ. Дождися завтрешняго дня: ужѐ тѣнь спускается съ горъ, и дымъ поднимается изъ соседственныхъ шелашей. Останься со мною, я принесу тебѣ на пищу молока, и свежева листу для провожденія ночи. Я принимаю то съ благодарностью, отвечалъ Полидоръ, да наградитъ тебя

Юпитеръ за наблюденіе тобой гостоприимства.

По сихъ словахъ пошли они въ домъ ево: множество сродниковъ вышли на встречу старику. Полидоръ былъ принятъ отъ нихъ съ радостью: всѣ старались услужить ему: когда старикъ возвышая свой голосъ, говорилъ Полидору; чужестранецъ! покои которымъ пользуемся мы не всегда царствовалъ встранахъ сихъ: недавно храбростію одного человѣка обрели мы безопасность, которою теперь наслаждаемся.

Еще не много времяни прошло какъ жилъ въ сихъ мѣстахъ свирепой Гигантъ известной подъ именемъ Синиса. онъ погублялъ всѣхъ проѣжжихъ ужасною казнію; сила ево была столь чрезвычайна, что преклонялъ онъ къ землѣ два древа величины ужасной, и привязывая къ обѣимъ свою жертву

опускалъ

онусекалъ ихъ, чтобъ растерзать тѣмъ члены сихъ несчастныхъ Я самъ былъ свидѣтелемъ последнево ево злодѣйства, и видѣлъ то когда получилъ онъ достойное себѣ наказанiе: воспоминанiе сiе производитъ и понынѣ во мнѣ трепетъ. Я шелъ въ городъ, и переходя лѣсъ съ возможною скоростiю, какую мнѣ мои лѣты и силы имѣть дозволяли, встретился я съ молодымъ человѣкомъ, которой провождалъ женщину такихъ же лѣтъ, какъ былъ онъ; они спрашивали меня о дорогѣ, и объявили, что родомъ они Критянѣ. Я отшелъ отъ нихъ, желая имъ всякого благополучiя: Но лишъ только отступилъ отъ того мѣста несколько шаговъ, какъ вдругъ услышелъ ужасной вопль обѣихъ: я возвратился и увидѣлъ, что гигантъ схватилъ молодого человѣка иповлѣкъ за собою.

супруга

супруга ево шла за нимъ умоляя сего варвара, котораго сердце вмѣсто жалости наполнялося болшимъ свирепствомъ.

Лишъ только Критянинъ лишилса жизни, какъ Тезей прибылъ въ страну сію: не возможно, продолжалъ старикъ, чтобъ не слыхали вы о герое семъ прославленномъ въ Греціи и слѣдующемъ стопамъ Алцидовымъ. По убіени Минотавра умертвилъ онъ многихъ разбойниковъ, которые опустошали Ахаію, и хотя Эгѣй ево отецъ умеръ тому уже годъ, однако предъпочитаетъ онъ сраженіи и славу оружія спокойному владѣнію.

Тезѣй прибылъ, какъ я уже сказывалъ, въ ту минуту когда молодой Критянинъ лишился жизни. Онъ напалъ на чудовищѣ. и отнявши у нево оружіе, умертвилъ ево казнію, которую избралъ онъ самъ, сей герой

герой убивши гиганта извлекъ одинъ своею силою изъ земли тѣ два дерева, которые служили орудїемъ ево жестокости, чтобъ не оставить ни малыхъ знаковъ сего ужаснаго варварства.

Я стоялъ въ нѣкоторомъ отъ нихъ растоянїй сраженной жалостїю и ужасомъ, какъ увидѣлъ молодую Критянку, которая проливая слѣзы збирала разсеянныя члѣны своего супруга. Я самъ пошелъ ей помочь всѣмъ благочестномъ упражнѣнїй, и привѣлъ ее къ себѣ въ домъ, нѣсколько днѣй спустя, она велѣла поставить гробницу надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сей нещастной лишился жизни, а близъ ее велѣла она поставить другую въ память брата своего, которой, какъ сказывала она, умеръ прежде сего.

Какъ скоро окончены были сїи двѣ достопамѣтные вещи,

то построили въ томъ же мѣстѣ шалашъ и для нее: съ того времени живетъ она посреди тѣней своего брата и супруга. Должно итти мимо мѣста сего въ городъ; мы тамъ остоновимся оба въ мѣстѣ. Такія примѣры чувствительны для молодого человѣка: естьли любишъ ты добродѣтель и благочестіе, то позорищѣ сіе тронѣтъ твое сердцѣ, теперь возми отдыхновѣніе, я самъ тебя уведомлю; когда итти намъ настанетъ время.

Увы говорилъ Полидоръ, сколь она достойна сожалѣнія и сколь несносно лишиться того, что любезно!

Полидоръ болѣе тогда ничего не говорилъ, и скоро потомъ пошелъ онъ въ горницу, которая была для нево изготовлена: повѣсть слышенная имъ производила въ умѣ ево различныя размышленія, какъ! говорилъ

ворилЪ онЪ вздыхаючи, любовь приводитЪ только вЪ несчастіе! когда кажется, что два сердца соединЕнны, то разлучаетЪ ихЪ она, или покрайнЕй мЕрЕ ввергаетЪ вЪ мученіи претерпЕваемая отЪ разлуки, забвЕнія и невЕрности! изо всЕхЪ Божеских даровании развЕ опаснЕе всЕго чувствительное сердцЕ?

При наступленіи дня Ментез (такЪ было его имя) пришелЪ кЪ Полидору, и отправился сЪ нимЪ вЪ путь. Может быть, говорилЪ старикЪ, вошедЪ вЪ лесЪ тотЪ, не найдмЪ мы молодой чужестранки вЪ шелашЕ своемЪ. Она должна всякой день ходить вЪ городЪ для снисканія необходимаго себЕ пропитанія; но ты увидишЪ двЕ гробницы, которые она поставить велЕла.

Скоро потомЪ ихЪ они увидЕли. ПолидорЪ подошедЪ кЪ одной увидЕлЪ тамЪ слЕдующія

щія слова *нещастному Коребу* онъ приступилъ къ другой и прочелъ сіе *нещастному Полидору*.

Онъ остался безъ гласенъ; трепетали подъ нимъ колѣна. Ментесъ подшелъ къ нему на помощь. Въ то время Полидоръ бросился безъ памяти на статую Кореба, какъ бы ослабѣвшія руки ево, могли оную повергнуть: но недоставали ево силы, и онъ упалъ подругую сторону гробницы, носящей ево имя.

Между тѣмъ чужестранка пришла изъ города. Она увидѣла Ментеза и подошла къ нему. Но какой для нѣе былъ тогда предмѣтъ! человѣкъ лежажей на гробницѣ Полидора! лицѣ ево обращено было къ землѣ. Между тѣмъ Полидоръ всталъ. Карита увидѣла ево. Любезной супругъ! вскричала она, тебяли вижу я? нежалующаяся ли то тень твоя, вышедшая изъ сей гробницы. Полидоръ ничего неотвѣт-

отвѣтствуя, подошелъ къ ней съ стремленіемъ, и въ жестокой ярости пронзилъ бы грудь ее кинжаломъ, когдабъ Ментезъ не удержалъ ево руки. Карита устрашенная ево злобою упала безъ чувствъ къ ногамъ ево, и конечно бы одна горесть лишила ее жизни; естьлибъ недѣлалъ ей помощи Ментезъ.

Карита несколько могла притти въ чувство, и сія то опасность возвратила ей всю нежность Полидорову: ревность ослѣпила ево: но настоящее бедствіе, позорищѣ смерти, страхъ потерять Кариту: словомъ все возвращало ево къ самому себѣ, къ любовницѣ, къ любви. Онъ не видѣлъ ничего: онъ болѣе не вѣрилъ ничему; Карита отворивъ глаза увидѣла себя въ объятіяхъ нежнейшего всѣхъ человѣкъ.

Оставь меня, говорила она, оставь умереть меня, для чего

возвра-

возвращаешъ ты мнѣ жизнь! тотъ, ково люблю я, не любитъ болѣе меня! Ахъ! Полидоръ ты почитаешъ меня виновною! мнѣ не доставало только сего нещастія къ излиянію всѣхъ строгостѣй Боговъ.

Оставь отчаяніе, говорилъ ей Полидоръ, дщери Еревы возмутили духъ мой, и напоили ево ядомъ ревности; но я думаю узреть, я уже вижу всѣхъ Боговъ въ одномъ изъ твоихъ взоровъ; Евмениды уступаютъ ихъ власти, я люблю тебя, обожаю, дражайшая Карита! но что я говорю? любовникъ твой недостоинъ жизни. Какъ я могъ подозревать тебя! Я могъ . . . Нетъ! Не думай тово. сердцѣ мое не имѣло участія въ ужасномъ семъ безуми . . . Послушай меня, говорила Карита, и позволь мнѣ оправдать себя: какъ! говорилъ ей Полидоръ, ты хочешъ оправдаться? Но въ чемъ?

вѣ преступленіи мнимомѣ, котораго наказываетѣ моя любовь? ты хочетѣ оправдать себя! Нетѣ! Невиновна ты! и быть виновною не можешѣ никогда. Я ничего нежелаю болѣе слышать ничего болѣе не хочу знать; я нашелѣ тебя и нашелѣ добродѣтельною. Ты вѣрна мнѣ, я верь вѣ томѣ моей любьви, моему сердцу, твоему присудствію, глазамѣ твоимѣ. Любезной Полидорѣ! отвечала ему она утѣшаяся; ты вѣришѣ моей невинности, и почиталѣ самѣ меня виновною. Я извиняю тебя, не жалуюся болѣе на твою несправедливость, она увѣрила меня о любви твоей. Ахѣ! отмсти мнѣ! вскричалѣ Полидорѣ но за что? говорила сѣ восхищеніемѣ Карита. По сихѣ словахѣ бросилисѣ они вѣ обѣятіи одинѣ кѣ другому; слѣзы ихѣ сѣ мешалисѣ вмѣстѣ. Страстные слова прерызалисѣ воздыханіями,

и

и между тѣмъ восхищенной енмъ позорищемъ Ментезъ благодарилъ боговъ, которые оказываютъ непрестанно премудрость и благодѣянїи.

Спустя несколько минутъ, когда вздыханїи допустили дѣйствовать ее гласу, Карита говорила Полидору. Естьли нехочешъ ты, сказала она, чтобъ оправдала я себя, то покрайнѣй мерѣ выслушай повѣсть моихъ нещастїи. взгляни на монументъ сей, которой руки мои построили твоей тѣни. Увы! Я почитала себя лишенною тебя, и воздала памяти твоей свидетельство, которое здѣлало жизнь мою несколько сноснѣе. Вспомни ту минуту, когда разлучили насъ морскїе разбойники я увидѣла тебя похищеннаго отъ моихъ объятїи и поведѣннаго въ другой корабль: минута которая было насъ соединила, погрузила насъ опять

въ

въ новые нещастіи. Лишъ только судьба возвратила тебя моимъ воздыханіямъ, то готова я ужѐ была претерпѣвать еще страданіе отсудствія. Нещастная разлука! терзалось мое сердцѣ, и я чувствовала, что душа моя рвалась слѣдовать тебѣ.

Я надѣялась что покрайней мерѣ наши похитители не возмутъ разнаго пути, и что они выведутъ меня съ тобою на одинъ берегъ: будучи довольна въ нещастіи моемъ, что глаза мои могутъ видѣть корабль, въ которомъ ты былъ, не жаловалась я столько на строгость моей судьбины, какъ вдругъ буря привѣла меня въ трепетъ о жизни твоей; я призывала съ вѣликимъ плачемъ на помощь Венеру; призывала и того Бога, которого мы носимъ оковы, но напрасно любовница твоя въ слѣзахъ умоляла власть

essо: ужасное воспоминанїе! сокрылся отглазъ моихъ корабль твой влѣченной яростїю волнъ, заключилась бездна, и крикъ моихъ провождатѣлей уверилъ меня, что нетъ болѣе надежды ни имъ ни любезному Полидору.

Я нестану описывать мое состоянїе, и не скажу о томъ, что дѣлалось со мною въ первые минуты на караблѣ, лишенная чувствъ моглали я то знать? я призывала смерть, но она отказывалась на мои молѣнїи; хотѣла искать ее въ волнахъ, ножестокая горесть спасла меня противъ воли моей отъ собственной къ себѣ строгости; мнѣ долно было жить; я къ тому была принуждена; я оставила жизнь въ надеждѣ здѣлать некогда монументъ твоему праху, и окроплять ево слѣзами непрестанно.

Спустя

Спустя нѣсколько днѣй прибыли мы въ Критъ; я продана была какъ невольница въ городѣ Гноссѣ старику, которой назывался Форбасъ. Нравъ ево былъ довольно кротокъ: будучи чистосердеченъ и ласковъ, оказывалъ онъ много благосклонностей; но Ксантипа жена ево была болѣе своенравна, нежели онъ: пощастью моему отдалила она отъ себя меня сама, поручивъ мнѣ роботать въ своемъ саду.

Первой опытъ моей свободы былъ тотъ; что здѣлала я изъ терну малой монументъ въ отдалѣнномъ лѣсу; какъ скоро я ево оканчала, то призвала я три раза тень любезнова Полидора, и просила Боговъ Стикса быть довольными симъ суетнымъ приношенїемъ.

Лишъ только окончила я слабую мою къ тебѣ должность, какъ услышала шумъ съ одной

стороны; я смотрѣла туда прилежно, но не могла увидѣть ничего, и возвратилась къ обыкновенной моей работѣ.

Всякое утро Аврора заставала меня у сего монумента; я призывала имя твое съ великимъ плачемъ, и давала волю слезамъ своимъ. Однимъ днемъ пришедши въ сїе мѣсто увидѣла я нѣкоторое приношенїе, и черной овенъ, обыкновенная жертва Гекатѣ, омочалъ монументъ своею кровїю: я подошла ближе, говоря: кто бы ты ни былъ, кому должна я за сїе благодѣянїе, будь увѣренъ на всѣгда о моей благодарности.

Какъ скоро окончила я сїи слова, подошелъ ко мнѣ Коребъ сынъ Форбасовъ, и онъ то по своему великодушїю здѣлалъ сїе жертвоприношенїе. Ахъ государь! говорила я ему стоя предъ нимъ на колѣнахъ; да наградятъ тебя Боги за твое

благо-

благочестїе. Между тѣмъ Кореб подалъ мнѣ руку, поднимая меня; я увидѣла что глаза ево наполнены слѣзами, онъ не отвечалъ мнѣ нѣсколько минутъ, казался смущенъ, въ изумлѣни, и вдругъ упалъ предомною на колени; я хотѣла отъ него бежать: постой, говорилъ онъ мнѣ на то, приношенїе, которое я дѣлаю, достойно какъ того такъ и другаго; послушай меня, вы знайтѣ Кореба, вы надъ нимъ съ жалитесь, и можетъ быть скажитѣ что достоинъ онъ лутчея судьбины.

Я послушалась ево прошенїя и остановилась. Корѣбъ отерши свои слѣзы началъ говорить мнѣ: поверенность, которая какъ сказываютъ, рождаетъ нежность, есть моему сердцу еще не извѣстное щастїе. Какъ скоро я получилъ жизнь, то старались удалить отъ дому отца

 моево,

моево, все то, что могло произвѣсти склонмость въ душѣ моей: не пользуяся дружествомъ, удалѣнъ отъ веего, незнаемъ въ светѣ, не зналъ я себя самъ: но ахъ! я тебя увидѣлъ, дражайшая Карита, и съ той минуты свѣтъ сталъ въ глазахъ моихъ инако. е я узналъ необходимость любви, въ самое то время какъ узналъ я ея прїятность, я тебя люблю; сїе поражаетъ твое сердцѣ, я знаю то; но ведай что не намѣренъ я препятствовать нежности твоей и постоянству.

Я увѣдомленъ о твоихъ нещастїяхъ. Вместѣ съ отцомъ моимъ былъ я, когда купилъ онъ тебя въ городѣ Гноссѣ: сраженной будучи любовью, спрашивалъ я у купцовъ, которыя тебя продали, о твоемъ отечествѣ: они ответствовали мнѣ, что взяли тебя съ острова Наксы, и что была ты тогда съ человѣкомъ

комъ, которой потомъ погибъ въ морскихъ волнахъ, и коего смерть оплакиваешъ ты непрестанно.

Приведенъ будучи въ жалость ихъ словами, и можетъ быть привлеченной не победимою склонностїю; слѣдовалъ я за тобою и примѣчалъ слѣды твои уже два месяца твоему пребыванїю въ жилищѣ семъ; я былъ свидетелемъ твоихъ слѣзъ, и принимаю участїе въ твоей горести; она удвоила любовь мою, но я почитаю ее, и пламѣнь мой остался бы неизвѣстенъ на всѣгда, естьлибъ сердцѣ мое могло къ тому себя принудить. Прости мнѣ сїе невольное признанїе, и не имѣй къ нещастному ненависти, которой покрайнѣй мерѣ ее не заслужилъ. Не опасайся ее, ответствовала я, нетъ! я немогу ненавидѣть благодѣтеля моего супруга: должность которую воздаешъ ты

ево тѣни, вселяетъ на всѣгда во мнѣ искреннюю благодарность. Но серцѣ мое неможетъ ужѐ здѣлать болѣе, оно отдало себя совѣмъ тому предмѣту, котораго тѣнь я почитаю, и я провѣду остатокъ моей жизни оплакивая смерть ево. Послушай меня, ты любишъ добродѣтели; невинно твое сердце, и ты увидишъ обязательство мое, и какїе мои должности.

Я расказала ему потомъ, продолжала Карита, повѣсть любви нашей и нещастїи. Я говорила сама себѣ, что когда представлю ему верное сїе изображенїе, то только для тово, чтобъ отнять у нево совѣмъ надежду; но можноль мнѣ тебѣ сказать? Я обманулася: хотѣла говорить о тебѣ, вспомнять тѣ минуты, которые мнѣ любезны; больше дѣлать мнѣ но осталось,

осталось, увы! во время нашея разлуки, естьли выходило изъ устъ моихъ имя Полидорово, не одушевленные предмѣты и одно ехо могли только то слышать; но тогда готово было слушать сїе не чувствительное сердцѣ, и можетъ быть пришелъ онъ проливать слезы на гробницѣ Полидоровой, какъ скоро окончила я мою повѣсть, то пришли ко мнѣ звать меня къ работѣ, надлежало мнѣ туда иттить, и я оставила Кореба въ смущенїи и изумленїи.

На затрѣ возвратилась я къ монумѣнту; я рассыпала тамъ цвѣты, которые собрала прежде, и приносила свои моленїи Богамъ ночи, такъ что никто въ томъ тогда мнѣ не препятствовалъ; я продолжала то и въ слѣдующей дѣнь; радовалась что болѣе не вижу Кореба, и льстила себя, что повѣсть моя погасила

 любовь

любовь его, въ самое то время поручили мнѣ новую должность. Господинъ мой приказалъ мнѣ быть внутри своего дома; а на мѣсто мое въ садъ опредѣлили другую невольницу, я оставила первую должность не безъ сожаленія, и опасалася чтобъ не открыли уединѣнія, въ которое ходила я почитать прахъ твой; но судьба непремѣнная никогда ко мнѣ своей строгости, готовила еще жесточайшіи нещастіи.

Спустя несколько времѣни, Форбасъ пригласилъ друзей своихъ на великолѣпное торжество, въ то время когда упражнялася я, какъ и всѣ другія въ нужныхъ приуготовленіяхъ, одинъ изъ пришедшихъ узналъ по голосу моему, что я чужестранка, и онъ подошелъ комнѣ спросить объ отечествѣ моемъ.

Я отвѣтствовала ему, что я Афинянка, рожденная отъ вольныхъ, и приведена въ нево-

лю своими нещастіями. Какъ скоро выговорила я сіи слова, то увидѣла что глаза ево воспылали гнѣвомъ; я трепѣпала, когда злодей подошелъ съ стремлѣніемъ къ Форбасу. Дерзновѣнной, говорилъ онъ ему, возможноль тому быть, чтобъ невольница рожденная въ народѣ злочестивомъ, могла имѣть убежище въ твоемъ домѣ? развѣ забылъ ты причины, которые обязуютъ трепѣтать Критянина отъ одного имѣни Афинянъ? развѣ не знаешъ ты, что сей вероломной народъ погубилъ гнуснымъ образомъ великодушнаго Андрогея, что разрушили они миръ; которой дозволилъ имъ государь, послѣ сего убиства, что убили они Минотавра, и наконецъ разраженной Миносъ требуетъ, чтобъ всѣ ево подданные принимали участіе въ оскорбленіи ево, и предавали бы безъ различія смерти

всѣхъ Афинянъ, которые въ ихъ власти? Отдай сей часъ мнѣ сію невольницу, или я объявлю государю о твоемъ преступленіи и дерзости.

Благоразумной Ликофронъ, говорилъ Форбасъ, Юпитеръ знаетъ мое сердцѣ; я не вѣдалъ о томъ. что она теперь сказываетъ, и думалъ что родиласъ она въ островѣ Наксѣ. Купцы которые мнѣ ее продали въ томъ меня увѣрили; но когда получила она жизнь въ странѣ ненавистной, то не противлюсь я твоему гнѣву, и предаю ее во власть твою: Князь Критской вамъ любезенъ, вы воспитали его съ младенчества, и гнѣвъ твой справедливъ.....

Богиня отмщенія, внѣмли мои слова, перервалъ Ликофронъ речь его: я требую только нужнаго времени для очищенія сей злочестивой жертвы, и кленусь, что скоро пойду я заколоть ее и гробѣ дражайшего Андрогея.

Скоро

Скоро потомъ невольники повлѣкли меня заннмъ, и товарищи мои ставши мнѣ злодѣями; привѣли меня въ домъ варварскаго Ликофрона.

Любезной Полидоръ! съ какою нетерпѣливостїю ожидала любовница твоя тово удару, которой долженъ насъ съ тобою разлучить! я почитала смерть окончанїемъ всѣхъ моихъ нещастїи: но она не скоро соглашаласъ моимъ желанїямъ, Между тѣмъ готовили надлежащее къ разрешенїю; ибо критянѣ съ жестокостїю соединяютъ презренїе: не довольны будучи жертвовать жизнїю Аѳїнянъ тѣни Андрогѣевой, почитали они еще жертву сїю нечистою, которую свѣтлые воды омыть должны.

Когда приуготовленїи были окончены, то пришли взять меня изъ того мѣста, гдѣ я

была заключена. Въ то время привели меня ко гробу Андрогеева: народъ стекался на позорище сіе, и всѣ жители Гноссы вышли изъ города для смотрѣнія сего. Я приступила къ олтарю, жрецъ вооружился священнымъ железомъ; Ликофронъ самъ взялъ кинжалъ: но въ самую ту минуту ужасный шумъ прервалъ сіе жертвоприношеніе. Ликофронъ бежалъ туда: въ то же время множество вооруженныхъ бросились на священниковъ: они ухватили меня: отогнали народъ, и двое изъ моихъ избавителей перенесли меня съ возможною скоростію къ берегу моря. Скоро потомъ принудили меня сѣсть на корабль, которой стоялъ на якоряхъ. Они ихъ подняли, и я увидѣла въ дали на берегу народъ, которой восклицалъ на небо безполезно.

Удивленная и въ изумленіи не знала я кому должна за сіе благо-

благоговѣніе, какъ увидѣла Кореба. Дражайшая Карита, говорилъ онъ мнѣ, въ сію минуту оказала мнѣ судьба еще первой разъ свою благосклонность; смотри теперь, куда намѣрена ты обратить свои стези. Одно награжденіе, которое отъ тебя требуетъ мое сердцѣ, есть то чтобъ я могъ васъ проводить. Не опасайся дерзости нещастной любви. Почтеніе до того никогда ее недопуститъ.

Великодушной Коребъ, говорила я ему потомъ, повѣрь мнѣ что благодарность на всегда останется къ тебѣ въ сердцѣ моемъ: но какая уже будетъ судьбина твоя? какимъ образомъ пойдешъ ты въ Критъ послѣ такого дѣйствія? Недумайте о слѣдствіи моей судьбины, говорилъ онъ, друзья которые здѣлали мнѣ помощь меня неоставлятъ. Но что! возможноль тебѣ сожалѣть о мнѣ и не довольна

ли

ли милосстива ко мнѣ судьбина? я спасъ жизнь твою, нечего мнѣ болѣе страшиться, и я неопасаюсь ужѐ гнева Боговъ.

Я просила Кореба проводить меня на брега Аѳинскія. Хотѣла ожидать вмѣстѣ съ моею матерью тамъ конца нещастной жизни, какъ буря жесточайшая еще той, которая разлучила насъ нѣсколько месяцовъ предъ симъ; занѣсла корабль нашъ къ странѣ Епидорской. Коребъ одинъ спасся отъ потопленія, и свободилъ меня отъ сея погибѣли: онъ ухватилъ меня за платье и вытащилъ на морской берегъ; такимъ образомъ спасъ онъ мою жизнь въ другой ужѐ разъ.

Я признаюсь тебѣ, любезной Полидоръ, что смотрела я на Кореба съ огорченіемъ; я желела, что получала сіи благодѣянiи отъ другаго а не оттебя. таковые ево одолжения стали

мнѣ

мнѣ почти бременемъ, и я завидовала для тебя ево щастїю, что избавилъ онъ меня отъ смерти. Между тѣмъ великодушной Коребъ отягощалъ меня своими старанїями; и не требовалъ отъ меня имъ цену. Мы обѣ остались въ шалашѣ, которой былъ ближней къ берегу: рыболовы, которые въ немъ живущїе дѣлали намъ нужное вспомоществованїе. Коребъ примѣтилъ скоро принужденїе, которое я дѣлала себѣ обходяся съ нимъ: ты меня совсѣмъ еще не знаешъ, говорилъ онъ мнѣ, я чувствую довольно отъ чего произходитъ твое смущенїе. несумнѣвайся чтобъ я ево не окончилъ, естьлибъ небыла тебѣ нужна моя помощь въ не извѣстной сей странѣ. Какъ скоро вручу я тебя въ объятїи твоей матери, то удалюсь отъ тебя на вѣгда. Нестарайся отвратить меня отъ сего предпрїятїя, может

жетъ

жетъ быть повѣришъ ты должности. Я иду отъ васъ, чтобъ не принудить тѣмъ меня къ отвѣту, и естьли ты чувствительна, видя мою любовь, то не будешъ сомною говорить дотѣхъ поръ, какъ предстану я глазамъ твоимъ.

Идѣйствительно онъ потомъ отъ меня вышелъ, съ тѣхъ поръ убегалъ онъ всегда быть одинъ со мною, спустя нѣсколько времяни поехали мы въ Епидору, для того чтобъ искать тамъ средства скорѣе возвратится въ Коринфъ, и отправиться отъ туда въ Афины При входѣ въ лесъ встретилися мы съ благоразумнымъ Ментезомъ, которой показалъ намъ дорогу; но скоро потомъ гигантъ Синнисъ погубилъ Кореба жестокою смертїю: я увидѣла умирающаго моего избавителя: не въ состоянїи будучи помочь

помочь ему, какъ только слѣзами. Я лишилася было тебя, любѣзной Полидоръ, слабыя мои руки здѣлали монументъ сей твоему праху и жалостной тѣни Кореба. Сіи мѣста сталимнѣ потомъ столь любезны, что не хотѣла ихъ оставить, я желала пребывать здесь до послѣдней минуты моей жизни.

Карита окончила такимъ образомъ свою повѣсть, которую прерывали часто слезы Полидоровы. Мечта весьма чувствительная для нежнаго сердца! онъ опасался о жизни своей супруги, хотя имѣлъ ужè ее въ своихъ объятіяхъ. Жестокой Ликофронъ воспламенялъ гнѣвъ ево: онъ представлялъ сего варвара поднявшего мечь умертвить Кариту, и когда вообразилъ онъ самъ себѣ свою несправѣдливость и жестокость, то находилъ онъ тысячу разъ

себя

себя виновнымъ, судьба Кореба привѣла въ жалость его сердцѣ; онъ о немъ плакалъ, и Карита отирала слезы, которыя проливалъ онъ о своемъ соперникѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ КНИГѢ

КАРИ-

КАРИТА
И
ПОЛИДОРЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ скоро любезная Карита окончила свою повѣсть, Полидоръ началъ расказывать свою: любовница ево слушала ее ревностно; то благодарила она возвышая свой голосъ, добродѣтельному Навзикрату; то пеняла ему утешаяся за подозрѣніе, которое онъ о нѣй имѣлъ

Вниманіе, которое наблюдали они, слушая одинъ другова приключенія, препятствовало увидѣть имъ, что старой Ментезъ лишился ужѐ памяти: ослабевшей лѣтами и пронутъ бу-

будучи весьма симъ позорищемъ, былъ онъ уже близъ смерти. Карита увидѣла то первая: что вижу я! вскричала она, минута столь наполнѣнная вѣселїемъ можетъ ли быть прервана толикимъ нещастїемъ? я познаваю Боговъ, они всѣгда жестоки; всѣ благодѣяни, которыя я отъ нихъ получила, были только предвозвѣсники ихъ строгости. Ментезъ! дражайшїй Ментезъ! не слышишъ ты болѣе моево гласа.... Полидоръ спешилъ между тѣмъ къ нему напомощь; онъ возвратилъ опять употреблѣнїе чувствъ; но напрасно старался бы онъ дойтить въ домъ свой, естьлибъ Полидоръ и Карита въ томъ ему не помогли.

Сродники Ментезовы привѣденные въ безпокойство ево отъ судствїемъ разсѣялись по всѣй дѣревнѣ, тамъ искали они ево съ нетерпѣливостїю; но

смущенїе

смущенїе ихъ удвоилось, скоро увидя ево; начался плачь, они бросались предъ нимъ на колѣна, целовали трепещущїя ево руки, возвышали свои руки на небо, котораго строгость обвиняли. Ментезъ остановилъ ихъ жалобы, которыми укоряли они величество Боговъ: онъ подозвалъ къ себѣ дѣтей своихъ, и обнималъ ихъ съ горячностїю.

Между тѣмъ Ментезъ лишался уже жизни; всѣ старанїя были тщетны, когда Карита говорила нежному Полидору. богъ коего призываютъ въ такихъ нещастїяхъ, есть сынъ Аполлона и Коронисы Ескулапи воспитанной премудрымъ Хирономъ научился у сего центавра познанїю травъ, и Грецїя почитаетъ ево нынѣ Богомъ врачебныя науки: Ево должны мы просить о милости въ скоромъ исцеленїй Ментеза. Пойдемъ во храмъ обнять

ево

ево статую, и принести моленіе двухъ чистыхъ сердецъ, одну жертву достойную Боговъ.

Да услышитъ наши моленіи Богъ Епидорской, отвѣчалъ Полидоръ; пойдемъ здѣлать долгъ Ментезу, которой заслужило ево благочестіе, и коего долженъ онъ ожидать отъ нашей благодарности. Проговоря сіи слова отправились они въ путь, и достигли Ескулапіева храма.

Сей храмъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ въ Греціи; собраніе народа прославило его такъ какъ храмъ Аполлона Делфинскаго и Юпитера Олимпискаго. Хоръ перемѣнной юношей и дѣвицъ, пѣли непрестанно гимны въ честь божества. Безчисленное множество священиковъ и священицъ пребываютъ во внутренности храма; а окружность е осьтоль пространна, что служитъ убежищемъ тѣхъ, кои хотятъ

шятЪ сокрыться; ибо храмы Боговъ суть надежныя уединенія въ Греціи, и тѣ, которыхъ вина и несправедливость изгоняютъ изъ отечества, находятъ опять въ священныхъ сихъ мѣстахъ покой, котораго лишаетъ ихъ вселѣнная.

Когда два любовника пришли уже во храмъ, то проводили ихъ къ главному жрецу, которому объявили они предмѣтъ своихъ желаніи. Мы призываемъ въ помощь справедливость Боговъ, говорила Карита, не для непріятеля ихъ, увы! Боги и добродетель не имѣютъ вернейшаго почитателя: премудрость Ментезова извѣстна въ Епидорѣ: для него приносимъ мы молѣній Богамъ и избавителямъ нещастія.

Во время произношенія сихъ ея словъ главной жрецъ взиралъ на Кариту, и уже ядъ любви вселялся въ его сердцѣ.

Главной жрецъ Ескулапія почитается силнѣйшимъ гражданиномъ Епидоры. Онъ повѣлеваетъ какъ Царь во внутренности храма, и великое число живущихъ въ ономъ составляютъ знатную часть людей въ государствѣ, надъ коими онъ владѣніе имѣетъ. Онъ былъ суетенъ и гордъ своею властью; душа ево была непрестанно добычею наисилнѣйшихъ страстей, и вмѣсто того чтобъ свободной доступъ къ Богу сему привлѣкалъ ее более къ смиренію, наполнялася она гордостію и неистовствомъ.

Любовь не приводила ево къ нежности; она вкоренялася въ сердцѣ ево съ ревностію. Лишъ только онъ увидѣлъ Кариту, то щастіе Полидорово зажгло гнѣвъ ево. Онъ предприналъ ево разрушить, но какъ притворство ево было равно съ жестокостію

костїю, то легко сокрылъ онъ свое смущенїе.

Жертва началасъ. Полидоръ и Карита въ слезахъ простерли себя предъ статуєю, и просили ревностно у сего Бога излеченїя болезни добродѣтельнаго Ментеза. Въ ту минуту потреслася статуя, змей вышелъ изъ средины храма, и приближался къ приносимой жертвѣ, потомъ остановился онъ предъ олтаремъ, и возвратился скоро въ свою пещеру. Народъ восклицалъ съ восхищенїемъ, что самъ Богъ тотъ явился въ семъ образѣ, и спѣшили благодарить ево за благодѣянїи, о которыхъ уверяетъ ево покровительство. Между тѣмъ статуя потряслась въ другой разъ; разверзлася земля, и изъ глубины ея слышенъ былъ голосъ произносящей слѣдующїя слова.

Удалитесь отсюда всѣ не просвященные смертные, вещаетъ

етъ теперь самъ Богъ, внемлите народы Епидорскіе, коихъ Ескулапій защищаетъ, и вы великодушныя друзья, которыхъ привлекли въ храмъ сей благодарность и надѣжда, вы получитѣ награжденіе вашему благочестію. Ментезъ сохранитъ дни свои; Боги принимаютъ участіе въ ево жреби, и защищаютъ ево жизнь: но судбина подавая вамъ сію милость, требуетъ чтобъ Карита посвятила себя въ служеніе олтаря сего. Ескулапій избралъ ее въ свои свещенницы. Полидоръ ты одинъ найдешъ старого Ментеза, Карита уже не твоя более. Боги сами разрушаютъ узы, которые васъ соединили.

Вероломные! вскричалъ Полидоръ, забывъ уже тогда почтеніе къ величеству храма, сею недостойною хитростію, хотитѣ вы мѣня лишить тово, что мнѣ любезно? нѣтъ когда

всѣ

всѣ Боги вмѣстѣ придутъ подать мнѣ сами сїе варварское повеленїе, то умру я тысячу разъ лутче, нежели ево исполню. Посихъ словахъ народъ повлѣкъ Полидора вонъ обвиняя ево: Кариту удержали, которая хотѣла слѣдовать за нимъ, и главной жрецъ затворилъ тотчасъ двѣри храма.

Кто можетъ вообразить состоянїе Полидора въ сїю ужасную минуту. Разумъ неслужилъ более ему предводителемъ; въ жестокой ярости перебѣжалъ онъ всю внешнею окружность храма; поднялъ крикъ не истовы, звалъ возвышая свой голосъ главнаго жреца и слугъ ево: то сраженъ будучи печалїю, повергалъ себя безъ памяти наземлю; то лежавъ наступѣняхъ храма, укорялъ онъ не справедливость неба.

Послѣ сихъ первыхъ дѣйствїи ярости, всталъ онъ и бѣ-

галъ по всѣмъ сторонамъ Епидорскихъ улицъ, вещая о нещастіи своемъ всѣмъ гражданамъ, которые ему встрѣчались. тайныя непріятели главнаго жреца оказывали ему благосклонность; отъ жалости или для собственной пользы, обѣщали занево многія вступиться, при наступающемъ собраніи народа.

Время еще назначено не было; Полидоръ отчаянной, оставленной отъ Боговъ и людей, гонимой какъ тѣми, такъ и оными, опредѣленной претерпѣвать строгость судбины, не справедливость и жестокость, не видѣлъ болѣе ниоткого уже помощи. Онъ не находилъ ее и нехотѣлъ искать, смерть была одно благополучіе, которого онъ желалъ: но она не приходитъ ни когда на помощь нещастнымъ, когда они ее призываютъ,

Полидоръ

Полидоръ препроводилъ нѣсколько дней въ семъ состоянїи, какъ нечаянное приключенїе подало ему лучь надѣжды: шумъ смущенной поражалъ слухъ ево. Онъ услышалъ что городъ въ возмущенїи; подъ ходилъ ближе, увѣдомлялся; все казалося въ смятенїи; жены, младенцы, старики, всякой выходилъ изъ домовъ своихъ поспѣшно. Полидоръ думая, что наступаетъ уже время народного собранїя, надѣялся что наконецъ изъясниться онъ тамъ можетъ; но какъ пришолъ онъ на публичное мѣсто, то гласъ ево не слышанъ уже былъ отъ крику множества людей; собственное ихъ дѣло не дозволяло имъ ево выслушать. Непрїятель приближался къ городу, и никогда опаснѣе ево не видала Епидора; Аѳиняне, гонимыя всѣгда Миносомъ, посылали въ городъ тотъ напрасно обыкновенныя дары въ

храмъ Ескулапія; Царь Критской требовалъ, чтобъ ворота для нихъ были заперты, и Аѳиняне раздраженныя симъ презреніемъ пришли съ знатнымъ флотомъ для отмщенія.

Полидоръ не долженъ ничего былъ ожидать ни отъ справедливости ни отъ сожаленія народа Епидорскаго; они упражнялись въ собственномъ деле то время; но Небо подало ему убежище въ войске своихъ гражданъ: можетъ быть сила ево храбрости освободитъ Кариту: можетъ быть отмститъ онъ сему вероломному городу, которой лишилъ ево любовницы; но покрайней мере слава ево храбрости учинитъ ево ее достойнымъ; онъ уже отправился, вышелъ изъ города, и обязался клятвами не возвращаться туда безъ оружія въ рукахъ.

Первое ево стараніе было найтить вернаго Ментеза, которой

торой у видя ево, устремился обнимать; дѣти ево упали къ ногамъ Полидора, какъ своего благодѣтеля; но какъ Ментезъ удивленной спрашивалъ о судьбѣ Кариты, то нещастной любовникъ отвѣчалъ ему только слезами. Онъ уведомилъ наконецъ Ментеза о нещастїяхъ, которые онъ претерпѣвалъ, о вероломствѣ главнаго жреца, о намеренїи, которое принялъ для отмщенїя, и средствахъ кои предпрїялъ онъ къ тому употребить. Ментезъ утвердилъ ево въ томъ мненїи, и обещалъ ему сыскать въ скорости судно, которое бы могло проводить ево къ Аѳинскому флоту.

Они ходили долгое время по берегу моря не нашедъ ево; но рыболовы которые были обыкновенно на той сторонѣ убоявтись присудствїя непрїятельскаго, возвращались въ незнакомыя мѣ-

ста моря, и боялисЪ подвергнуть себя строгости АѳинянЪ. Между тѢмЪ прозьба Ментезова, коего премудрость и добродѢтель почитаема была дикими жителями сего берега, здѢлала то, что согласилисЪ они привести Полидора вЪ непрїятельской флотЪ.

Увидя перьвой корабль ПолидорЪ почувствовалЪ нѢкоторое ободренїе; мысли, что будетЪ онЪ по среди своихЪ согражданЪ наполняли ево веселїемЪ; онЪ удивлялся самЪ, что наслаждается благополучїемЪ, которому Карита не свидѢтель; но надѢжда увидѢть ее скоро принимала вЪ томЪ участїе. Она утѢшала ево, и утверждала самаго вЪ собственномЪ мнѢнїи.

КакЪ скоро можно было тамЪ слышать ево голосЪ, то закричалЪ ПолидорЪ, что онЪ АѳинянинЪ, и приведЁнЪ на берегЪ

сей

сей нещастїемъ; что хочетъ онъ служить въ войскѣ, и что знанїе, которое имѣетъ онъ остранѣ той здѣлаетъ ево имъ можетъ быть полѣзнымъ. Какъ скоро окончилъ онъ слова сїи, що Аѳинянѣ отвязали лодку, на которой прїѣхалъ онъ въ корабль, а рыболовы возвратились къ берегу.

Особливое сїе приключенїе удивило Аѳинянъ: Полидоръ сталъ имъ подозрителенъ. Уверены будучи, что онъ шпїонъ посланной отъ непрїятелей, предъ приняли они тотчасъ представить ево своему начальнику; ожидая тово Полидоръ былъ окованъ желѣзомъ, и сей нещастной нашелъ между своими согражданами тожъ себѣ мученїе, которое претерпѣвалъ онъ посреди разбойниковъ.

Началникъ войска Аѳинскаго былъ на кораблѣ свсемъ, окруженъ главными особами фло-

та, когда привели предъ него молодаго Полидора. Сражённь будучи послѣднимъ бедствїемъ, нещастной закрывалъ глаза воинскимъ поясомъ, онъ не хотѣлъ больше видеть свѣтъ, день сталъ ему противенъ --- отвѣтствуй мнѣ, говорилъ начальникъ Афинской, когда наше отечество видело тебя раждающегося. кто отецъ твой, которому ты долженъ рожденїемъ? --- Что слышу я? вскричалъ Полидоръ: какой гласъ! --- То ты безъ сумненїя, ты отецъ мой, котораго вижу я еще, я подаю къ ногамъ твоимъ.

Мой сынъ! --- вскричалъ Пизистратъ ---- какъ! Полидоръ! --- Но чудовище Критское! --- Онъ спасся отъ того! --- Такъ онъ! --- Ты сынъ мой: Аѳиняне не принимайтѣ участїе въ коемъ благополучїи: онъ сынъ мой; Боги возвратили мнѣ ево. Збылося истинно, говорилъ Полидоръ

лидоръ, предвѣщаніе тайное, которое чувствовалъ я въ моемъ сердцѣ. Я нашелъ отца моево не въ отечествѣ своемъ, скончалися нещастія; мнѣ нечево уже болѣе страшиться.

Восхищеніе ихъ прервано было восклицаніемъ всѣхъ предстоящихъ. Сіе приключеніе извѣстно стало во всѣмъ флотѣ, матрозы, воины, словомъ всѣ одинъ передъ другимъ принимали участіе въ радости своего начальника, котораго они любили.

Послѣ первыхъ минутъ, Пизистратъ удалился отъ нихъ съ своимъ сыномъ, испрашивалъ его обнимая о его приключеніяхъ. Ахъ! сынъ мой, говорілъ онъ выслушавъ то, сколь бы ни велики были бѣдствія, которыми поражали тебя Боги, бойся отчаяваться о ихъ милосердіи Нещастіи, которыя съ людьми бываютъ, не выходятъ изъ ихъ

рукѣ какѣ поневолѣ, но милость ихѣ и благодѣянїи сутв сокровища не изчерпаемыя. пѣчаль ихѣ трогаетѣ, нещастїе приводитѣ вѣ жалость, отчаянїе огорчаетѣ ихѣ: привыкнувѣ какѣ и ты кѣ строгости судьбины, испыталѣ я упрямство щастїя, оно возвысило мѣня на вышнею степѣнь чести, я вижу необманываясь ея благость, которою она мѣня обогатила; я испыталѣ ея не милосердїе, претерпѣвалѣ ея гонѣнїе. На конецѣ избранїе моего отечества учинило мѣня начальникомѣ моихѣ сограждан: Эгей умерѣ. Тезей сынѣ ево, возревновалѣ славѣ героевѣ, оставя скипетрѣ, чтобѣ слѣдовать стопамѣ Геркулеса, возгорелася война, народы пришли лишить мѣня прїятности уединѣнїя, и я имѣ покой мой посвѣщаю; вотѣ жизнь моя; она блиска ужѐ кѣ концу, и судьба

ба дѣлала ее примѣчательною во все время теченїемъ перемѣнъ. Не поколебимъ по среди таковой бури, имѣлъ я всѣгда предъ собой добродѣтель и помощь Боговъ, которыхъ должность есть защищать ее.

Дражайшїй отецъ мой отвѣчалъ полидоръ, ты не упоминаешъ мнѣ нимало о Стеропѣ какую судьбу имѣетъ она во время твоего отсудствїя? О Боги! сколь много отъѣздъ твои стоитъ ей слезъ! Ахъ! сынъ мой! отвѣтствовалъ на то Пизистратъ, сколь печальное воспоминанїе возобновляешъ ты въ сердцѣ моемъ. Стеропы больше нѣтъ . . . ее нѣтъ больше! перервалъ въ слѣзахъ Полидоръ речь ево. Увы! продолжалъ Пизистратъ, думаешъ ты, что могла она жить послѣ нещастїи, кои поразили ее? день въ которой похитили Кариту отъ ея обьятїи былъ

последней

послѣдней въ ея жизни. Щастливая тѣнь ея встрѣчается въ аду съ тѣнїю Шерефонта, и смешенной ихъ прахъ почиваетъ въ одномъ гробѣ: Нетужи болѣе о ея судбинѣ; смерть была для нѣе благополучїемъ, когда жизнь, лишившися тово, что любезно, есть жесточайшее нещастїе.

Увы! говорилъ Полидоръ, вообрази смущенїе которое терзаетъ мое сердце, лишился я Карины, и можетъ быть варваръ лишилъ ее жизни. Я принимаю участїе въ опасенїи твоемъ, отвѣчалъ Пизистратъ, которое окончить стараться буду. Тѣмъ услужу я любви твоей услужа отечеству, и медлилъ до часа сего повѣленїемъ переводить на землю войско, ожидая еще несколько кораблей, которыхъ за несла буря; на конецъ собралисъ уже

они; завтра при наступленіи дня данъ будетъ знакъ къ осадѣ: ты повѣлевать будешъ войскомъ, которому насухомъ пути осаждать должно. Между тѣмъ какъ я съ флотомъ стараться буду овладѣть пристанью.

Ночь не собрала еще свои завесы, какъ Полидоръ наполнѣнъ будучи нетерпѣливостію, пришелъ просить отца своего, чтобъ по велѣлъ онъ переводить войско. Пизистратъ согласясь на ево прошеніе; похвалялъ ево храбрость; въ самое то время, далъ онъ ему въ совѣтъ двухъ людей разумныхъ и знатныхъ въ ойскѣ; Клеобулъ и Демоцесъ отправились съ Полидоромъ. Переведеніе войска окончилось безъ препятствія; и принаступлени дня стало оно въ добромъ порядкѣ предъ стенами Епидоры.

Увидя сїе, устрашенные граждане побѣжали къ валу: долговременной миръ привѣлъ ихъ къ лености и не раченїю; не навыкнувъ къ воинской работѣ, страшились они опасности и труда. Полидоръ пользуясь ихъ слабостью, хотѣлъ начать осаду; но едва приближился онъ къ стѣнамъ градскимъ, какъ сей слабой народъ положили оружїе на землю; отворили ему ворота городскїе; просили о милости, и Полидоръ вошелъ побѣдителемъ въ городъ сей, гдѣ испыталъ онъ не справедливость и безчестїе.

Между тѣмъ главной жрецъ пребывающей во внутренности храма, не хотѣлъ отворить ево, и готовился защищаться; чрезъ него то Миносъ согласилъ Епидорской народъ къ презренїю Аѳинянъ: но тогда страшился уже онъ гнева ихъ, и хотѣлъ

хотелъ избегнуть ихъ отмщенія.

Полидоръ туда спешилъ: за нимъ слѣдовалъ Клеобулъ, между тѣмъ какъ Демоцесъ покорялъ остальную часть города, и отворялъ ворота флоту Пизистрата.

Молодой любовникъ достигъ двѣрей храма. Напрасно главной жрецъ противился ево силѣ: Полидоръ приближался, и поражалъ все, что препятствовало ево бегу; Клеобулъ съ Аѳинянами помогалъ ему, и рязилъ всѣхъ, которые сражаться хотѣли. главной жрецъ не всостояніи былъ наконецъ противиться, онъ отдался Клеобулу, и скоро на него оковы наложили.

Между темъ сокрылся Полидоръ. воины искали ево напрасно во внутренности храма, и Клеобулъ безпокоясь началъ опасатся несколько тайныхъ измѣнъ, какъ наконецъ увидѣли

ево держащаго въ рукахъ оружïе; въ ярости и гневѣ подънялъ онъ мѣчъ на главнаго жреца, возврати ее мнѣ, говорилъ онъ, возврати мнѣ Кариту, или мѣчь накажетъ тебя за вероломство.

Постой, говорилъ главной жрецъ. Я клянусъ тебѣ Богомъ мѣстъ сихъ, что судьба Кариты мнѣ не извѣстна Она уведѣна отъ меня въ тотъ самой день какъ я тебя ее лишилъ; съ той минуты не ведаю я ея судбины. Пускай Ескулапи накажетъ мѣня, естьли я неправду говорю. Изменникъ, отвечалъ Полидоръ, ты принимаешъ въ суе почтеннейшее имя боговъ. Прими месть твоимъ злодѣйствамъ По сихъ словахъ поднялъ онъ мечь въ другой разъ; но въ ту самую минуту одинъ изъ бывшихъ въ храмѣ, коево Аѳинянѣ желѣзомъ оковали, возвысилъ свой голосъ

голосЪ, и кричалЪ: любезной ПолидорЪ, тебя ли вижу я! ПолидорЪ остановился, и узналЪ Стратона, великодушнаго Критянина, которой допустилЪ ево увидить Кариту когда лишился онЪ надѣжды. онЪ подбѣжалЪ кЪ своему другу, ево обнялЪ и отрешилЪ оковы. Неопасайся о Каритѣ, говорилЪ ему СтратонЪ, я привелЪ ее вЪ безопасность; я увелЪ ее отЪ главнаго жреца. АхЪ! любезной другЪ, какія благодѣянія! и какЪ я могу за нихЪ благодарить: но гдѣ она? Что дѣлаетЪ? ПойдемЪ ее увидѣть, возвращай мнѣ ее вЪ другой разЪ.

По сихЪ словахЪ пошли они вЪ мѣстѣ, СтратонЪ, вЪверилЪ судьбу Кариты бѣдной женщинѣ, пребывающей вЪ нижней части храма, и не известной главному жрецу. Карита заключена тамЪ была сЪ того

дня

дня, въ которой любовникъ ее былъ съ нѣю разлученъ. Мѣждумъ тѣмъ услышела она голосъ Полидора. То онъ? Говорила она . . . дражайши супругъ! -- Уже былъ Полидоръ въ ее обьятіяхъ. Свершилося нещастіе, вскричалъ онъ, Боги утомилися уже жестокостью насъ гнать, судьба на всѣгда насъ соединила.

Полидоръ разсказалъ своей любовницѣ все то, что случилось съ нимъ поразлучени съ нѣю; смерть Стропы погрузила Карйту въ слезы; но Полидоръ осушалъ ихъ, и присудствіе столь нежнаго любовника услаждало ее горесть, они вышли всѣ изъ храма, чтобъ иттить на встречу Пизистрату. На пути, Полидоръ спрашивалъ Стратона, какимъ приключеніемъ или какимъ нещастіемъ удаленъ онъ отъ своего отечества. Сожеленіе

нїе о тебѣ, говорилъ Стратонъ, была одна причина моего изгнанїя; согражданѣ мои то узнали; они въ томъ обвинили мѣня. Гонимъ будучи ими, пришелъ я въ храмъ сей, чтобъ привесть себя въ безопасность отъ ихъ отъ мщенїя, я пребылъ здѣсь два года. Въ смятенїи, которое произошло на другой день отъ хитрости главнаго жреца и отъ справедливости твоего гнева, узналъ я Кариту, и видѣлъ тебя отвлеченнаго отъ рукъ ея; благополученъ я, что въ состоянїи былъ моею помощїю сохранить ее въ другой разъ.

Какъ скоро окончилъ онъ сїи слова, двое любовниковъ оказывали всю свою благодарность, которую должны они были сему великодушному другу. Между тѣмъ Пизистратъ пришелъ въ городъ. Онъ приближался по среды восклицанїя

народа

народа и войска. Карита спешила къ нему, и бросилась къ ногамъ ево. Онъ поднялъ ее и держалъ въ своихъ объятіяхъ, называя ее дочерью; на конецъ сказалъ онъ Полидору, которой также обнималъ ево колена: довольно и долгое время медлила судьба вашимъ щастіемъ; не отложимъ болѣе гимна, котораго безъ сомнѣнія благословятъ Боги. Восклицаніе удвоилосъ, всѣ радовались соединенію двухъ любовниковъ, между тѣмъ Пизистратъ вошелъ во храмъ; онъ перемѣнилъ главнаго жреца, и опредѣлилъ на его мѣсто гражданина почтѣннаго въ Епидорѣ.

Оба любовники приближились къ олтарю. Возгорелся огнь и приносилась жертва. Главной жрецъ, которого Пизистратъ определилъ, принялъ имѣнемъ Боговъ клятвы сихъ двухъ супруговъ

Аѳинянѣ

Аѳиняне остались въ городѣ на потребное время для торжества праздника Гимину. Пизистратъ получа отъ народа Епидорскаго удовольствіе надлежащее за несправедливость, которую отъ нихъ имѣли Аѳиняне, учредилъ все для возвращенія въ отечество свое.

Предъ отъѣздомъ, два любовника пошли къ старому Меншезу, которой обогатилъ ихъ дарами, и въ тотъ самой день въ провождени многочисленномъ, принесли они жертву надъ гробомъ Кореба: по исполнѣни сей должности, взошли они съ вернымъ Стратономъ на корабль Пизистрата, и флотъ отправился въ путь.

Пизистратъ принятъ былъ въ Аѳинахъ, какъ отмститель отечества; но сей великодушной гражданинъ возвратился въ свою пустыню, желая менѣе

хвалы отъ своихъ сограждан̕ъ,
нежели жизни невинной и уеди-
ненной. Дети ево за нимъ
слѣдовали. Карита пришедши
посетила гробъ Стеропы и Ше-
мрфонта; она проливала при
немъ слезы, и учинила праху
ихъ почтѣніе, которымъ обя-
зала ее къ нимъ любовь и бла-
гочестіе.

Несколько времени спустя
Стратонъ по прошенію Поли-
дора, пошелъ искать Навзикра-
та и Фемисту, чтобъ согла-
сить ихъ пребывать въ Аөи-
нахъ. Онъ возвратился скоро;
оба старики съ нимъ пришли:
они оставили все, чтобъ слѣ-
довать за нимъ: Фемисто имѣ-
ла только съ собою Урну,
которая содержала прахъ ее
сына

Полидоръ принялъ ихъ со-
всѣми знаками горячности. Съ
того времени составляли они
всѣ одинъ домъ; и смерть одна
разлучила

разлучила ихъ. Карита и Полидоръ дожили старости: небо благословило ихъ соединѣнїе. они имѣли великое число дѣтей, которые различаемы были дарованїями ихъ и добротельми; и какъ потомъ посмерти геройской Кодруса, Аѳиняне переменили правлѣнїе свое, и вверили оное въ республикѣ своей Архантомъ, то перьвой изъ нихъ выбранъ былъ изъ потомковъ сего почтѣннаго дома.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛЕДНѢЙ КНИГИ.

